

Евгений СУХОВ

Я - ВОР

В ЗАКОНЕ

ЗАПОВЕДЬ
ВАРЯГА

Евгений Евгеньевич Сухов

Заповедь Варяга

Серия «Варяг», книга 5

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=136615
Евгений Сухов. Заповедь Варяга: Эксмо; Москва; 2006
ISBN 5-699-03052-2, 5-699-10270-9*

Аннотация

Варяг – авторитет из самых крутых, казначей общака, а теперь еще и смотрящий России. Но тюрьма есть тюрьма, что в Штатах, что в России. Здесь любой зэк может воткнуть тебе в спину нож или придушить ночью. Тем более что на кону лакомый кусок – два крупных завода, вокруг которых идет схватка. И Варяг здесь ключевая фигура. Лишь звериное чутье на опасность да немалый тюремный опыт спасают его и от американских и от своих отмороzków, и от тех, кто их направляет. Но жизнь не главное для вора в законе. Главное – честь. И тут Варяга не сломаешь – он выдержит все: ледяной карцер, беспощадные драки, провокации надзирателей, но не уронит чести вора. Только так он завоюет свободу. А там посмотрим – кто кого...

Содержание

Часть 1	4
Глава 1	4
Глава 2	29
Глава 3	59
Глава 4	87
Глава 5	119
Конец ознакомительного фрагмента.	138

Евгений Сухов

Заповедь Варяга

Часть 1

ВАРЯГ, ЛОВИ ЗОЛОТУЮ ПУЛЮ!

Глава 1

ПРИЕХАЛИ, СЭР, – ТЮРЬМА!

Любезно улыбнувшись, стюардесса наконец пригласила пассажиров на выход, и Нестеренко в числе первых шагнул в открытый люк. Едва ступив на трап, он понял, что одет не по погоде. В Москве было пасмурно и бушевал ливень, старенький черный плащ пришелся там весьма кстати, но здесь, в Нью-Йорке, стояла самая настоящая жара. Нестеренко улыбнулся, подумав о том, что раньше всегда привозил за собой слякотную погоду. Да уж, меняются времена...

В общем потоке прибывших Нестеренко сошел с трапа и уверенно направился к микроавтобусу, стоящему неподалеку. В Америку Нестеренко прибыл уже в третий раз.

Первое свидание с этой страной состоялось много лет назад, когда он, будучи молодым ученым, побывал на Конгрессе.

се по международному праву. Вернувшись из поездки, он месяц не мог отойти от навалившихся впечатлений. Лежа на диване, заложив за голову руки, он неделю разглядывал мелкие трещинки на низком потолке в душной и затхлой коммунальной квартире, куда сумел прописаться почти сразу после освобождения.

Его вторая встреча с Америкой произошла около десяти лет назад. Тогда вдруг неожиданно выяснилось, что в Чикаго проживают дальние родственники Нестеренко по материнской линии. Опасаясь своего дворянского происхождения, они выехали из Санкт-Петербурга почти сразу после Октябрьской революции. Нестеренко не без интереса всматривался в своего вновь обретенного двоюродного брата, еще крепкого мужчину, огромными темно-кариыми глазами напоминавшего давно уже усопшую бабушку. В тот раз он не без труда справился с искушением поменять грешную родину на уют и благополучие американской столицы, где ему неожиданно предложили работу. За время своего второго пребывания он успел полюбить эту страну, ему даже показалось, что он связан с ней какими-то мистическими узами. Если у него и была первая жизнь, то наверняка он провел ее где-то на Диком Западе.

Сейчас он прилетел сюда уже в третий раз.

Нестеренко прибыл в Нью-Йорк без своего обычного сопровождения. Как правило, оно состояло из двух-трех телохранителей, сейчас же Нестеренко путешествовал в одино-

честве, причем по гостевой визе. И для большинства окружающих был одним из многих чудаков, которые ради собственного удовольствия разъезжают по миру и, не скупясь, тратят пенсионные накопления, чтобы взглянуть на чужой быт хоть одним глазком.

С недавних пор присутствие охраны стало сильно угнетать Нестеренко. Он стал всерьез подумывать о том, чтобы запереться в крепеньком особняке, в котором можно было бы прожить остаток дней в окружении любимых книг...

Двери автобуса бесшумно распахнулись, и пассажиры, вполголоса проклинаящие влажную жару, ступили на асфальт. Вместе со всеми, с черным плащом, перекинутым через руку, вышел и Нестеренко. В небольшом магазинчике аэропорта он купил ворох газет, бегло просмотрел их: они по-прежнему бойко продолжали комментировать события, произошедшие два дня назад неподалеку от коттеджа главы местной мафии. Было видно, что журналистов практически не интересует ни надвигающийся циклон, ни открытие баптистской церкви, а встреча лидеров государств в одном из столичных городов Европы и вовсе заняла последние полосы газет. Нет, гораздо больше пишущую братию интересовала пара неопознанных трупов, найденных у дома «крестного отца».

Таксисты терпеливо дожидались клиентов, лениво развалившись на мягких сиденьях своих автомобилей, и через прозрачайшие стекла с надеждой посматривали на каждого

пассажира, покидающего прохладный зал аэропорта. Нестеренко вышел одним из последних. Он лениво поднял палец, и тотчас к нему подкатил «Форд», за рулем которого находился крупный мускулистый негр с кожей цвета крепкого кофе. Улыбнувшись, он профессиональным взглядом оценил пассажира и радостно воскликнул через открытое окно:

– Вам куда, мистер?

– В городскую тюрьму.

– О!.. Глядя на вас, я бы предположил, что вы пожелаете направиться прямехонько в Сенат! Теперь-то я понимаю, как ошибся!

Не удержавшись, Нестеренко громко расхохотался в унисон с шофером и, распахнув дверь, удобно расположился на заднем сиденье. Всю дорогу шофер без умолку болтал о разных пустяках; он вспоминал свою давнюю подружку, которая променяла его на белого парня, рассказывал о том, как впервые попробовал марихуану, и захлеб делился своими планами относительно внезапного выигрыша в миллион долларов, на который надеялся с непередаваемой детской наивностью. Из приемника надрывно орала неизвестная рок-звезда, и у Нестеренко уже не единожды возникало желание отключить этот осипший голос, да и самого шофера, если бы такое оказалось возможным.

Наконец, к явному облегчению пассажира, такси добралось до места назначения. Возникшее перед Нестеренко здание ничем не напоминало тюрьму. Современное, красивое,

даже помпезное. Если бы не знать, что за его стенами содержатся опасные преступники, можно было бы запросто предположить, что это элитный пансионат для пенсионеров.

– Это и есть тюрьма, сэр, – лихо притормозил автомобиль перед самыми воротами шофер. – Советую вам не задерживаться в ней больше двух лет, иначе вам покажется там скучновато. Ха-ха-ха!

– Я учту твой совет, дружище. – С этими словами Нестеренко небрежно бросил на сиденье стодолларовую купюру.

– О! Сэр, за такую сумму я согласен ждать вас весь срок. Через годик я буду стоять на этом же самом месте. Ха-ха-ха! – продолжал веселиться чернокожий.

– Договорились, – сдержанно улыбнулся Нестеренко и мягко прикрыл за собой дверь. Не оборачиваясь, он направился к зданию тюрьмы.

По его губам скользнула лукавая улыбка. Это была первая тюрьма, куда он входил по собственной воле.

* * *

В комнате ожидания, расположившись на стульях, сидели трое мужчин. Мельком глянув на них, Нестеренко с горечью подумал о том, что заморские порядки сильно отличаются от правил в российских зонах, где за свидание с отцом дочь должна расплачиваться собственным телом.

– Сейчас его приведут, – сказал появившийся сержант, об-

ратившись к Нестеренко. — Но у вас мало времени...

Нестеренко пришлось немало потратиться, чтобы добиться этого свидания. Только на первый взгляд неискушенному человеку могло показаться, что американская фемида слепа и следует только букве закона, на самом деле многое здесь зависело от большого числа мелких чиновников, каждый из которых имел семью и хотел неплохо жить. А потому основная задача мудрых людей, заинтересованных в том, чтобы система работала в их пользу, заключалась в том, чтобы угадать место, где шестеренки государственного механизма были особенно скрипучими, и вовремя «смазать» их долларами. Такая «смазка» заставляла машину провернуться нужным образом. Нестеренко удалось сделать это, хотя, надо признать, не без труда. Пришлось заинтересовать весьма серьезных людей, с чьими именами все поневоле были обязаны считаться. Когда-нибудь они тоже обратятся к нему с серьезной просьбой, и академик будет вынужден употребить все свое влияние, чтобы вернуть им долг.

Через несколько минут действительно привели Варяга. Егор Сергеевич не без боли отметил, что за время, прошедшее после их последней встречи, Владислав сильно осунулся, а на впалых щеках прорезались длинные глубокие морщины, которые добавили к его возрасту, по крайней мере, еще пяток лет. Собеседников разъединяло толстое пуленепробиваемое стекло, однако ощущение было такое, что между ними пролегла гораздо более серьезная пропасть, равная

нескольким годам разлуки.

Нестеренко занял один из стульев, Владислав присел напротив. Взяв телефонную трубку, Нестеренко вместо приветствия произнес:

– Ты слишком похудел, мой мальчик.

Варяг сдержанно улыбнулся:

– В отличие от российских тюрем здесь неплохо кормят. Просто у меня совсем нет аппетита. Тебе, наверное, недешево обошлось свидание со мной.

– Не будем об этом, – сказал Нестеренко. – У тебя есть что сказать?

– Накопились вопросы, на которые я никак не могу получить исчерпывающих ответов.

– Спрашивай, мой мальчик, я постараюсь тебе помочь.

– Мой первый вопрос: как Света? Она ни разу не была у меня, и я даже не знаю, где она и что с ней. – Нестеренко лишь слегка смежил веки. – И почему меня, наконец, не отпускают, ведь даже полиции известно, что Монтиссори я не убивал? – Умные серые глаза ненадолго застыли на похудевшем лице Варяга, а потом Нестеренко произнес:

– Ты отказался от адвоката.

Владислав отрицательно покачал головой:

– Это не отказ, это протест!

– А теперь послушай меня, Владислав, внимательно. Со Светой все в порядке. Сейчас она находится под охраной твоих ребят в очень надежном месте, так что не переживай.

Не стоит мне возражать, Владислав!.. Мы не можем рисковать ею, а тем более ребенком. А что касается вопроса, почему тебя не отпускают... Все очень непросто. В этой стране все намного сложнее, чем ты себе представляешь. Теперь они не предъявляют тебе обвинение в убийстве Монтиссори.

– Тогда кого же они обвиняют? Сержанта?

– Труп не был найден! Может, Монтиссори и не был убит. Полиция решила задержать тебя совсем по другой причине.

– В чем там еще дело? По какой такой еще причине?!

Лицо старика оставалось спокойным. Казалось, он не обращал на беспокойство Варяга никакого внимания. Он слегка наклонил голову и проговорил:

– Не кипятись, выслушай меня спокойно. В Америке пресса давно раздувает слухи о засилье русской мафии. Так вот, все газеты в один голос вопят о том, что ты один из боссов преступной организации русских. Думаю, что уже завтра утром они выдвинут против тебя новое серьезное обвинение.

Варяг помолчал, обдумывая услышанное, а потом негромко произнес:

– Они могут отпустить меня под залог?

– Власти считают тебя очень опасным преступником. И это просто чудо, что мне удалось добиться с тобой свидания. Ты закрыт для всех. А по поводу залога... Очень сложный вопрос. Я уже прорабатывал этот вариант и пытался договориться на очень высоком уровне, – академик возвел взгляд

к потолку, тем самым давая понять, до каких вершин ему удалось достучаться. – Но ты сейчас в центре внимания, о тебе пишут столько же, сколько разве что о президенте Соединенных Штатов. Так что, надеюсь, тебе не нужно объяснять, какая проблема передо мной возникла?

– А если предложить им очень большой залог?

Нестеренко печально улыбнулся:

– Пока это не работает. Я предлагал им такой залог, который сопоставим разве что с годовым бюджетом небольшого государства. Однако они не согласились даже на это.

– Неужели ничего нельзя придумать? На воле у меня осталась масса незавершенных дел. – В голосе Варяга не было ни малейшего намека на отчаяние, а только желание услышать ответ.

– Не волнуйся, мой мальчик, я использовал далеко не все свои рычаги, – неожиданно улыбнулся Нестеренко и добавил: – А как ты знаешь, крапленого туза всегда оставляют на конец игры.

– Вы уверены, что ваши рычаги сработают? – озабоченно осведомился Варяг.

– Я твердо тебе обещаю, что сделаю все возможное... и даже невозможное для того, чтобы ты вышел отсюда, – искренне пообещал Нестеренко.

– Однако я реалист и привык трезво смотреть в лицо действительности. В худшем варианте какой срок ожидает меня?

Нестеренко не отвел глаз и ответил вполне спокойно:

– О худшем варианте говорить не стоит. Ты же сам знаешь, что мы тебя не сдадим. У тебя будут серьезные адвокаты, люди с именем, со связями...

– Я хочу знать правду, – жестковато произнес Владислав.

– Правду, говоришь, – задумался академик, как если бы решал трудную аналитическую задачу.

– Да.

– Хорошо. Правда такова, что тебе грозит не менее двадцати лет тюрьмы, мой мальчик. Даже для такого молодого человека, как ты, это очень большой срок. Поэтому дела твои обстоят очень серьезно. Ты раскрыт. И теперь для всех ты не доктор Игнатов, а вор в законе по прозвищу Варяг.

– Вот оно как!

– Удивляться, думаю, не стоит. Ты устроил такой переполох от Санкт-Петербурга до Владикавказа, что об этом до сих пор говорит вся Россия. Тебе часто приходилось появляться в многолюдных местах и называть свою кличку, вот и произошла утечка. Мне думается, что ты был засвечен на сходняке в Австрии. Кто это сделал, нам еще предстоит выяснить. А теперь крепись и надейся, что все обойдется.

– Есть ли надежда, что меня переправят хотя бы в российскую тюрьму?

Нестеренко улыбнулся отеческой улыбкой и мягко спросил:

– Тебе здесь плохо живется? Может быть, не так сытно

кормят, как хотелось бы?

– Вам я могу сказать правду. Я не привык быть вторым ни на воле, ни в тюрьме, однако здесь я всего лишь один из многих эков. Приходится начинать все сначала. Мне нужно время, чтобы достигнуть того положения, что я имел в российской тюрьме. К тому же здесь совершенно другие порядки, чем у нас.

– Я тебя понимаю, Владислав, и попытаюсь сделать все, что смогу. Обещаю... что сделаю даже больше! Беда состоит в том, что тебя взяли не в самое благоприятное время. Истерия, слухи о бессилии президента затронули самые верхние эшелоны власти, и сейчас силовики предпринимают очередной натиск на воров в законе. Твой же случай особый, он находится в поле зрения прессы, и вряд ли следует ожидать перемен в ближайшее время.

– Спасибо за откровенность, Егор Сергеевич.

– Я еще не все сказал... Ты должен беречь себя, мой мальчик. Ты нужен нам, и я очень беспокоюсь за тебя. Пока ты находишься здесь, тень покойного Монтиссори будет дышать тебе в спину. Прошу тебя, будь очень осторожен. Американские тюрьмы, несмотря на внешнюю гуманность, мало чем отличаются от наших самых беспредельных «сучьих» зон, и за хорошие деньги здесь могут вспороть живот любому.

Появление Нестеренко в Америке оказалось для Варяга большой неожиданностью. Вообще-то старик не любил покидать свой огромный уютный кабинет с обилием мудрых

книг. Крайне редко Егор Сергеевич выезжал даже на многочисленные конференции. Поэтому вояж за Атлантический океан следовало воспринимать как нечто экстраординарное. Этот человек ничего просто так не делал, и, если уж он пустился в такое далекое путешествие, значит, поступить по-другому было невозможно. Скорее всего, он рассчитывал одним только своим присутствием оградить Варяга от надвигающейся беды. Нестеренко действительно умел это делать, как никто другой. Именно он учуял опасность, таившуюся в Сержанте, и подсказал, что следовало бы держать киллера на коротком поводке, как поступает осторожный хозяин, когда выгуливает бойцовскую собаку. Именно старику принадлежала идея с внезапным исчезновением Варяга и воскрешением его в Америке в качестве хозяина российского общака. Егор Сергеевич обладал незаурядным аналитическим мышлением и, подобно опытному гроссмейстеру, мог предвидеть ситуацию за несколько ходов вперед, а в случае необходимости находил способ нейтрализовать ее. Нестеренко имел крепкие связи практически на всех уровнях власти, и значительная часть денег шла именно на укрепление дружеских отношений. Благодаря незаурядной способности распаковать без стука двери самых высоких кабинетов Нестеренко легко получал информацию об очередной смене экономического курса. Всегда знал, где вложенный рубль принесет десятикратную прибыль. В зависимости от политической погоды ценности менялись, и Россия разрушающим цикло-

ном вклинивалась в экономический климат западных держав. В зависимости от конъюнктуры Россия вдруг меняла свои привязанности, как молодая куртизанка любовников. Не воспользоваться этим обстоятельством было бы грех! Если президент заигрывал с канцлером, то ставку полагалось делать на нефть, и даже бочка мазута приносила немалую прибыль. Если вдруг пресса лестно отзывалась о японском премьерe, то каждый килограмм цветного металла приравнивался к золотому яичку. Если парламентские делегации зачастили на Ближний Восток, то более выгодного бизнеса, чем продажа оружия, не существовало.

Значительные связи у Нестеренко были и в ФСБ. Как правило, со многими из отставных генералов его связывали десятилетия крепкой дружбы, которая и с годами не ослабела. К людям в погонах академик обращался только в крайнем случае, когда нигде не находил нужную информацию. Даже продолжая нянчить внуков, генералы не растеряли своего влияния и, конечно, не отказывали старику в любезности. ФСБ умела быть всепроницающей. Своих информаторов они держали во всех органах власти: в МИДе, кабинете министров. Даже аппарат президента находился под их пристальным вниманием. В последние годы спецслужбы заинтересовались мафиозными кланами, учитывая, что в их руках сосредоточена немалая экономическая и политическая власть. Практически во всех крупных мафиозных кланах ФСБ имела своих людей. Некоторые мафиозные семьи спе-

циализировались на краже технических изобретений. Это был весьма неплохой бизнес, доход от которого успешно конкурировал с продажей оружия. Многие «секреты» уплывали из России за океан, а сытые западные мафиози даже не подозревали о том, что кормятся из рук российской разведки. Варяг был убежден, что опасения Нестеренко не напрасны. Возможно, сработал один из его каналов, и беспокойство за своего воспитанника заставило академика покинуть полумрак уютного кабинета.

Варяг улыбнулся, и морщинка на правой щеке, словно шрам, врезалась глубоко в кожу.

– Спасибо за предупреждение, Егор Сергеевич. Я учту!

Варягу неожиданно вспомнилось, что вчера вечером во время прогулки один негр поигрывал длинной заточкой. Это была явная демонстрация силы. Возможно, она была рассчитана именно на Варяга, в качестве акта устрашения. Варяг тогда неторопливо прошел мимо. Он не мог поступить иначе, осознавая, что правила поведения в российских и американских тюрьмах во многом схожи. И дрогнул он хотя бы на миг, как об этом мгновенно узнают остальные зэки. Владислав всегда помнил, что чаще всего в драке побеждает не тот, кто сильнее, а кто тверже духом. Варяг осознавал, что не свернул бы даже в том случае, если бы пришлось прорываться с боем. Обернуться он не пожелал, но затылком ощутил тяжелый враждебный взгляд.

Тем временем дежурный сержант вежливо улыбнулся

Нестеренко и почти сочувствующим голосом сообщил, что свидание закончено. По его взгляду следовало предположить, что он считал себя виноватым, и Варяг с улыбкой подумал о том, как это не похоже на российские следственные изоляторы, где даже первогодок-«краснопогонник» ощущает себя всемогущим повелителем.

– Я буду рядом, – пообещал Нестеренко. – И не уеду до тех пор, пока не вытащу тебя отсюда.

– Попробуйте перетащить меня в Россию, – в голосе Владислава слышались просительные нотки, что происходило крайне редко. – Даже отечественное дерьмо в подворотнях воняет куда приятнее, чем сортиры в американских тюрьмах, – вполне искренне добавил он.

– Просто так тебя не переведут, – отрицательно качнул головой Егор Сергеевич. – Как бы там ни было, ты не должен признаваться ни в каких противозаконных действиях на территории Штатов. В противном случае тебя будут судить здесь, и бороться за тебя будет куда труднее. Утверждай, что преступления совершались в России. Признайся хоть в убийстве, хоть еще в чем-нибудь...

Варяг поморщился:

– Брать на себя мокруху? Что-то мне не в масть!

– Ладно, этот вопрос мы потом проработаем с адвокатами пообстоятельнее. Как они подскажут, так и сделаем, – перебил его Нестеренко.

– Хорошо.

– С американцами очень трудно сейчас договориться, они крайне несговорчивы. Наши арестовали их агентов. Произошло некоторое охлаждение. По старой дружбе, конечно, могут вернуть тебя. Хотя у тебя немало недоброжелателей и в России. Я думаю, что тебя попытаются там убить. Но ничего, прорвемся. Все-таки в наших судах можно будет от всего откреститься.

Егор Сергеевич Нестеренко был крупной фигурой. Даже на воровских сходняках Владислав постоянно ощущал его скрытое присутствие. Все время казалось, что академик вышпашется где-то за его спиной и своей величественной тенью накрывает половину собравшихся. Обычно Егор Сергеевич знал все решения и диспуты на сходняках до мельчайших подробностей. У него были какие-то свои тайные источники, лукавить с Нестеренко было так же бесполезно, как начинающему шахматисту пробовать переиграть гроссмейстера.

Нестеренко никогда не говорил всей правды. Он умел скрывать ее за глубокомысленным молчанием и пространными рассуждениями о нелепости человеческого бытия. Его мозг напоминал матрешку, которую невозможно было разобрать до конца. Поначалу думалось, что воровская жизнь для него была всего лишь данью далекой соловецкой молодости, так сказать, игра подросшего мальчишки. Странная прихоть реализовать свои многочисленные таланты и поиграть в масштабного администратора, распоряжаясь при этом ворами точно так же, как некогда Наполеон своими генера-

лами. И только хорошо узнав Нестеренко, Варяг осознал, насколько был не прав.

Россию Нестеренко рассматривал как некий полигон, на котором он мог воплощать в жизнь свои теоретические разработки. В организации воровского бизнеса он сумел проявить себя просто гениально. Лишь единицы знали о том, что Егор Сергеевич располагал такими суммами, каких не имело даже Министерство финансов. Нестеренко был одним из самых богатых людей России, и если бы он захотел встряхнуть экономику страны до смертельных конвульсий, то сумел бы сделать это в течение одного дня. Но по своей натуре Нестеренко был созидатель, а потому камушек за камушком надстраивал воровской дом. Егор Сергеевич Нестеренко ничего не делал просто так, и даже цепь случайных событий, в которых он участвовал, при ближайшем рассмотрении обретала глубинный смысл.

Помнится, с год назад Варягу показалось, что он увидел в толпе на улицах Манхэттена Ангела, давнего своего приятеля и помощника. Это действительно был Ангел. После того как сходняк в Вене был завершен, Варяг напрямую спросил об этом своего друга. В ответ Ангел лишь улыбнулся, но лукавить не стал.

– Тебе не показалось, Варяг, – отвечал законный, – я действительно тогда был в Нью-Йорке.

Варяг даже не попытался скрыть свое удивление:

– Но почему ты тогда не подошел ко мне?! Мне даже по-

казалось, что ты от меня скрывался!

Ангел не стал увиливать:

– Отчасти это было действительно так. И потом, я знал, что скоро мы с тобой встретимся здесь, на сходянке в Австрии, вот поэтому и не стал беспокоить.

Варяг постарался не показать вспыхнувшей обиды:

– Ах, вот оно что... Тебя ко мне отправил Нестеренко? Проведать, живой ли я?

– Ты проницательный, Варяг, этого у тебя не отнимешь. Умеешь смотреть сразу в суть. Нестеренко меня действительно попросил тебя провести... Ведь связь с тобой оборвалась, и старик насторожился.

– У меня были трудности! И потом, связь прервалась не по моей вине. Моего связного в Париже убил Сержант, и мне нужно было время, чтобы оклематься и снова заявить о себе.

– Не оправдывайся, Варяг, все уже выяснилось.

– Так, значит, Нестеренко тебе все рассказал?

– Да.

– А мне вдруг показалось, что вы перестали мне доверять.

Ангел смущенно улыбнулся:

– Не обижайся, Владислав, кому же еще доверять, если не тебе.

– Это ты верно заметил.

Появление Ангела в Штатах нельзя было считать случайностью. Владислав не удивился бы, если бы Ангел наставил ему в лоб револьвер и сообщил с приятной улыбкой, что

Нестеренко приговорил своего любимого ученика.

– Только я не могу знать всего, – продолжал между тем Ангел. – У тебя с Нестеренко какие-то особые отношения.

Варяг при этих словах нахмурился:

– Тебе показалось.

– А теперь ответь мне откровенно, Владислав, разве не было у тебя желания оставить себе хотя бы часть общаковских денег и зажить таким добропорядочным рантье?

Варяг немного подумал, прежде чем ответить:

– Мне стоило бы, конечно, оскорбиться... Но тебе я скажу... Не было! Почему об этом ты не спросил на сходянке? Ведь иные могли не поверить в мою искренность.

Ангел печально улыбнулся:

– Отвечаю... Просто не хотел видеть тебя мертвецом. И еще потому, что лучшего смотрящего, чем ты, не сыскать!

Многим Варяг казался гигантом, на плечах которого стояла не только общаковская касса, но и весь механизм добывания денег. Каждый из воров, собравшихся в Австрии, понимал, что замена этой фигуры болезненно отразится на благосостоянии общака. Если подобное все-таки случится, то уже через пару месяцев касса общака станет напоминать разоренный улей, куда запустил когтистую лапу медведь-батьюшка.

– Спасибо, не ожидал... А Нестеренко что говорит по этому поводу? – спросил Варяг.

– Старик сказал мне, чтобы я поддержал тебя на сходянке.

ке, – незамедлительно ответил Ангел.

– Понимаю...

– И еще вот что, Владислав, Нестеренко хотел бы тебя видеть.

– Когда?

– Извини, что я не сказал тебе об этом раньше, но в кармане у меня лежит билет на твое имя. В Москву ты должен вылететь завтра.

– А не боишься, что сегодня ночью я улечу, например... в Мексику? – прищурился Владислав.

– Теперь я буду более бдителен, чем в прошлый раз... – серьезно отвечал Ангел.

Разговор этот до сих пор сохранялся в памяти смотрящего, как будто произошел только вчера. Теперь он всплыл в его сознании, словно напоминание о том, что с Нестеренко держаться нужно более чем осторожно, какими бы хорошими ни были в данный период времени отношения между ними.

Из комнаты свиданий Нестеренко уходить не спешил. Терпеливо ждал, когда выведут Владислава. Варяг махнул на прощание рукой и, сопровождаемый конвоиром, вышел. Когда-нибудь он напомнит академику о давнем разговоре.

* * *

Три дня назад на свидание к нему пришел Сивый. Он рас-

сказал, что теперь вместо почившего Альберта Монтиссори во главе клана встал его приемный сын, Луиджи Гобетти. Но их бизнес, несмотря на все старания Луиджи, больше напоминает корабль с дырявым днищем. Многочисленные недоброжелатели нового дона, казалось, только и дожидались того дня, когда какой-нибудь отмороженный продырявит и его холеную голову. Вот тогда сообща и без потерь можно будет быстро разорвать на куски некогда могучую империю.

В одночасье семья Монтиссори лишилась самых прибыльных мест на Атлантическом побережье: китайская мафия наняла убийц из Триады, которые вырезали боевиков в стриптиз-баре; якудза, сменив учтивые поклоны на самурайский оскал, расстреляли помощника Монтиссори – Карло Скальоне. Сумели организовать даже тихие безропотные вьетнамцы, изуродовав несколько парней дона Альберта, явившихся в их квартал для получения ежемесячной дани. Сивый, торжествуя, рассказывал о том, что империя Монтиссори расползалась, как ветхая рубаха. Каждый из его многочисленных кузенов стремится вырвать и для себя хотя бы небольшой бар, и если старший сын Луиджи не проявит необходимой жестокости, то от прежнего состояния дон останется лишь горсть мелочи.

Варягу интересно было знать все. Он подробно расспрашивал, как в этом переделе участвует Грациани. Старик, как выяснялось, тоже не бездействовал – через совет семей он сумел добиться благословения донов на устранение «лейте-

нантов» Гобетти. А когда отстрел состоялся, он перевел на счета их семей три миллиона долларов и целую неделю молился в церкви. Грациани рассчитал верно. Устранение ключевых фигур в бизнесе Гобетти должно было стать последним ударом по могуществу клана и нанести ему такой урон, какой может сравниться только с торпедной атакой на утлое суденышко. Семье больше никогда не подняться, и она растворится в итальянских кварталах. Конечно, наиболее перспективных бойцов он возьмет себе. Пускай стараются! В этом случае у них появляется неплохая возможность сделаться со временем даже «солдатами». Сивый рассказал и о своих делах. Он был надежный малый, умел не только хорошо организовать дело, но и четко контролировать выполняемую работу. Варяг был уверен, что запущенная им машина движется с нарастающей скоростью, ежеминутно пополняя кругленькой суммой российский общак. Кроме того, Сивый обладал могучей энергией и умел работать не только сам, но и подгонять других, а система штрафов, введенная Варягом, даже на самого нерадивого действовала отрезвляюще. Посмел опоздать на сход – штраф! Выполнил неточно приказ – штраф! Отстрелялся в тире в молоко – опять штраф! Но вместе с тем было введено и поощрительное жалование за каждую удачно проведенную операцию, и многие из гвардии Варяга через год службы ощущали себя вполне состоятельными американцами.

Даже через толстое стекло Варяг ощущал, что Сивый че-

го-то недоговаривает, его белесые глаза были наполнены такой тоской, как будто бы он заглядывал в лицо убиенному другу.

– Ты что-то хочешь еще сказать? – не выдержал наконец вялотекущего разговора Варяг.

– Да... Тебе грозит опасность. Этот сучонок... сын Монтиссори, Луиджи, нанял убийцу, – посмотрел в сторону полицейского Сивый.

Краснощекоего офицера Макса, стоящего у перегородки, мало интересовало содержание их разговора, он думал об отпуске, который решил провести в Европе в обществе прехорошенькой фотомодели. Правда, приятели предупреждали его, что девушка одаривает своими ласками не только его. Но Макса, по большому счету, это интересовало мало. За свои тридцать пять лет он впервые встретил такую пылкую любовницу и отказаться от ее умелых и горячих ласк мог только под дулом пистолета.

– Откуда тебе это известно? – понизил голос Варяг.

И тоже перевел взгляд на счастливое лицо копа, который уже видел себя прогуливающимся по берегу Сены.

– Я купил информацию у человека, который освободился из этой тюрьмы два дня назад.

– Как ты на него вышел?

– Он сам меня нашел.

– Как зовут человека, который должен убрать меня?

Сивый пожал плечами:

– Этого он мне не сказал.

– Он белый? Черный?

– Он сказал мне, что в эту тюрьму его перевели не так давно. Но он латинос! Высокого роста.

– Ладно, попробую разобраться.

Варяга не мог усыпить почти курортный режим американской тюрьмы, он знал, что утрата бдительности может стоить ему жизни, а потому держался как туго закрученная пружина, готовая в любую секунду стремительно разжаться. Возможно, зеки обходили его стороной не только потому, что от него ощутимо веяло скрытой угрозой. Но еще и оттого, что по независимости, с которой он держался, все угадывали в нем человека, знакомого с неписаными правилами тюрьмы.

Неприятность случилась во вторую неделю его пребывания в тюрьме. Десять дней он делил камеру с худощавым метисом Вилли. Это был невыразительный жилистый субъект, специализировавшийся на кражах в аэропортах и на железнодорожных вокзалах. В России его прозвали бы «чемодаником». Такие люди крайне редко берут в руки нож, разве что в исключительных случаях, а потому в его обществе Варяг чувствовал себя в относительной безопасности. Тюрьму такие типы воспринимали как некоторое временное неудобство в трудной и рискованной профессии вора. Самое большее, на что им хватало отваги, так это ткнуть в удаляющуюся спину полисмена сложенной фигой. Беспокойство Варягом овладело после того, как однажды он обнаружил в качестве

своего соседа мускулистого мексиканца по кличке Бык, получившего сто пятьдесят лет тюрьмы за двойное убийство и грабеж. И, надо полагать, это были не единственные его подвиги. Да и не последние!

Мексиканец всегда был беспечен и весел. Глядя на него, казалось, что тюрьма – это лучшее изобретение человечества, где можно не только насладиться покоем, но и поправить пошатнувшееся здоровье. Бык был огромен, как гора, и силен, как буйвол, верилось, что даже булыжник рассыплется в песок, стоит только Быку тиснуть его в ладони. Весь его облик был воплощением покоя и силы, и в то же время природа создала эту человеческую машину не для созидания, а для разрушения. Можно было не сомневаться, что ограбление мексиканец совершил безо всякого оружия, сокрушив одним ударом стальную дверь. После чего вошел в здание банка и, взяв за шкурку двух сторожей, так потрянул их за ворот, что они мгновенно испустили дух. Набив спортивную сумку стодолларовыми банкнотами, он вышел через дверь как ни в чем не бывало. Попался мексиканец через полчаса после ограбления, когда вместе с дешевой проституткой отмечал в ближайшем кабаке удачное дельце.

Глава 2

ТЫ НЕ ВИДЕЛ МОИ ТРУСИКИ?

В этой тюрьме Бык пробыл почти полгода. За пять последних лет он сменил семь казенных домов. В штате Иллинойс уже не было тюрьмы, куда бы он не заглянул. К своим вынужденным скитаниям он относился философски. А как еще их может воспринимать заключенный, приговоренный к пожизненному сроку. Тюрьма для него стала родным домом, и всякий раз он старался вырвать у администрации максимум поблажек. А для этого приходилось стучать на соседей по камере, втираться в доверие к тем, кого следствие не сумело «раскрутить» в полной мере, и делать массу всякой черновой работы. Все началось четыре года назад, когда его перевели в одну из тюрем на северо-западе штата. Бык знал, что эта тюрьма создана специально для таких заключенных, как он, – у каждого из арестантов были огромные сроки, и только счастливицы могли рассчитывать выйти на свободу в глубокой старости. Однажды его вызвал к себе начальник тюрьмы. В уютном кабинете Бык увидел плотного человека лет сорока, с короткой стрижкой, что совсем не портило, а даже, наоборот, придавало его лицу моложавость.

– Знакомься, Том, – почти по-дружески обратился начальник тюрьмы к заключенному. – Этот господин – сотрудник ФБР, начальник одного из отделов. Он пожелал встре-

титься с тобой.

Мужчина неожиданно поднялся и, протянув руку Быку, коротко представился:

– Рой. – И, повернувшись к начальнику тюрьмы, сдержанно добавил: – А теперь оставь нас, Джордж, нам нужно кое о чем поговорить.

– Разумеется, – без особого энтузиазма улыбнулся Джордж и тут же оставил сотрудника ФБР наедине с громиллой.

В этот момент Том неожиданно ощутил самый натуральный страх. Теперь он знал, кто является настоящим хозяином кабинета, и не сомневался в том, что от этого уверенного в себе человека зависит не только его дальнейшая судьба, но и, возможно, жизнь.

– Присаживайся, – кивнул Рой на один из стульев, а когда Том присел, поджав ноги под стул, он неторопливо продолжил: – Ты, конечно, не догадываешься, зачем я пригласил тебя?

– Откуда же мне знать, сэр, я всего лишь заключенный под номером восемьсот сорок четыре.

– И то верно, – улыбнувшись, согласился Рой и присел на краешек стола. Том подумал, что наверняка эта выходка очень не понравилась бы начальнику тюрьмы. Но тот не посмел бы возразить, даже если бы у фэбээровца возникло желание испражниться прямо на его знаменитое кожаное кресло. – Не буду тратить времени на долгое вступление, но хочу

сказать, что нам известно, куда ты припрятал бриллианты, что нашел в банке.

– Вот как, и где же? – улыбнулся Том.

– Сделать это было нетрудно, – любезно отвечал Рой, – достаточно было наведаться к твоей подружке. Она вела себя очень неосмотрительно и без надобности постоянно заглядывала в морозильную камеру. Вот там они и лежат, в банке из-под пива. Но смею тебя заверить, что все твои бриллианты целы до самого последнего карата. Крошка не посмела потратить их. Видно, бриллианты дожидаются твоего возвращения через сто пятьдесят лет. – Улыбка Роя стала еще шире. – Она поджидала тебя у входа в банк? Ты вовремя передал ей эти камешки.

– Что вам от меня надо?

– Ты нервничаешь? – искренне удивился Рой. – На тебя это не похоже. Прежде чем вызвать тебя на беседу, я досконально изучил твое досье. А в нем отмечено, что ты жесток, хладнокровен и очень выдержан. Советую тебе вести себя так и впредь, и это поможет тебе избежать массы неприятностей. Вот что, Том, мы с тобой деловые люди, а поэтому я хочу предложить тебе сделку.

– Какую еще такую сделку.

– Я подарю тебе эти бриллианты, – махнул Рой рукой.

Том хмыкнул:

– Вот как? Щедрый подарок... Зачем же они мне нужны, если у меня пожизненное заключение?

Фэбээровец сел поудобнее, придавив задом какие-то деловые бумаги.

– А вот об этом мы с тобой поговорим поподробнее. Через несколько лет я берусь вытащить тебя из этой вонючей тюрьмы. Ты получишь паспорт, новое имя. Можешь начать новую жизнь. Обещаю тебе, что с нашей стороны не будет никакого преследования за твои старые грешки и вмешательства в твою личную жизнь. Ты можешь вообще уехать из страны. Это твое частное дело. У нас свободная страна!

– Что же я должен сделать за такой подарок? Облизать вас, сэр? – скривился Том. Этот парень нравился Быку все больше. Весьма симпатичный малый! Том готов был расхотаться, вспомнив, как фэбээровец спровадил начальника тюрьмы из собственного кабинета.

Рой поморщился:

– Совсем не обязательно.

– Тогда что же?

– Убивать, – просто произнес Рой, как если бы речь зашла о каком-то невинном пустячке. – Другими словами, делать то, чем ты занимался и раньше. И что у тебя неплохо получается. – Критически осмотрев фигуру здоровяка, он сдержанно добавил: – Что, в общем-то, немудрено, с такими-то данными!

Том посмотрел в глаза фэбээровца – они были пустыми и холодными, как куски стекла. Том почувствовал себя махонькой птичкой, придавленной лапой дикой кошки. Вот вы-

пустит она сейчас острые коготки, и брызнут из него во все стороны остатки жизни.

– И кого же я должен убивать? – через паузу спросил Том, уяснив, что разговор разворачивается серьезный.

– На кого мы укажем, – так же просто сообщил Рой. – Ну, чего ты так недоуменно на меня смотришь? Пойми меня правильно, Том, в этом мире очень много зла, – печально сообщил фэбээровец. – А наша задача заключается в том, чтобы сделать его как можно более чище. И ты нам в этом поможешь!

Соглашаться сразу не стоило:

– Почему именно я?

Рой одобрительно качнул головой:

– Очень хорошо, что ты задал мне этот вопрос. Не думай, что наш выбор случаен. Нам о тебе известно больше, чем ты думаешь. Знаем, что первый срок ты отбывал, защищая свою девушку от поругания. Очень благородный поступок, скажу я тебе! – Голова фэбээровца слегка качнулась в знак одобрения. – Ты тогда переусердствовал и одному из двух негодаев вдребезги разбил череп. Второй раз тебе нужны были деньги, чтобы выручить свою подружку. Кажется, она влезла в крупные долги, и ей грозили большие неприятности. Так?

– Предположим, – буркнул Том.

– Ты забрался в квартиру, но ее хозяин оказался малый не робкого десятка, он прострелил тебе ногу. Так это было?

Том скупно улыбнулся:

– Примерно так.

– В третий раз ты решил ограбить банк, чтобы безбедно проживать с очередной пассивей до самой старости. Но тебе и в этот раз не повезло, и, видно, встречать старость тебе придется в другом месте. Бедный Том, тебя губят женщины! Впрочем, как и многих мужиков! Да и попался ты очень по-глупому... Это надо же было додуматься связаться с проституткой с улицы, имея в сумке два миллиона долларов! И при этом знать, что тебя поджидает такая очаровательная малышка, как твоя Люси. Извини меня, Том, но это все равно что предпочесть сытному рождественскому пирогу безвкусные гренки.

Том даже перестал удивляться – Рой знал о нем все. Или, скажем так, почти все. Он бы даже не удивился, если б фэб-ээровец сказал ему, о чем он думает в эту минуту. Том ту-по уставился в окно, сквозь которое видел медленно проплывающие облака, – вот кого не запереть в четырех стенах. Неожиданно на подоконник сел огромный ворон, он был настолько черный, что даже антрацит в сравнении с ним мог бы показаться куском мела. Ворон, слегка наклонив голову, с любопытством заглядывал внутрь комнаты, как будто бы хотел подслушать разговор.

А Рой продолжал:

– Ситуация складывается так, что в силу определенных причин мы не можем выносить смертных приговоров, потому что в ряде штатов они отменены. Либералы, мать их

в душу!.. Но мы можем рассчитывать на помощь таких людей, как ты. И ты должен помнить, Том, что ты помогаешь не только государству, но и всей демократии в целом!

Ворон за окном казался идеальным слушателем. Птица не сводила с Роя глаз, поворачивалась к нему то одним, то другим боком. Том некоторое время продолжал хранить молчание.

– Так ты поможешь нам?

– Когда мне приступить? – после некоторого раздумья поделовому поинтересовался Том.

Рой одобрительно улыбнулся:

– Я в тебе не ошибся. Через неделю и приступишь. Послезавтра тебя переведут из этой тюрьмы в чикагскую и поделят в камеру к молодому мужчине. Ему двадцать восемь лет. Только не надо его жалеть, предупреждаю! Несмотря на молодость и обаяние, он маньяк и извращенец. На его совести семь растерзанных трупов подростков. Ему дали пожизненное заключение... Твоими руками совершается справедливость и акт возмездия.

– Я понял, – качнул головой Том.

– Убьешь его не сразу, а дней через десять...

– Я сделаю так, как нужно.

– И еще вот что, придави его подушкой. Будет меньше шума и никакой крови.

Ворон неожиданно потерял к разговору интерес и, взмахнув широкими крыльями, полетел по своим птичьим делам,

унося на черном хвосте неслыханную новость.

С тех пор встречи с Роем стали регулярными. За это время они настолько сблизились, что стали почти друзьями. Разумеется, насколько это возможно между копом и заключенным. Том ни в чем не знал отказа, и по его желанию в камеру доставляли не только блюда китайской кухни, до которой он был весьма большой охотник, но и женщин. Именно они позволяли ему снять напряжение, которое накапливалось в нем, будто лава в кратере вулкана. Они знали друг о друге почти все. Рой, не стесняясь, рассказывал о том, что имеет одновременно трех любовниц, самой младшей из которых семнадцать лет. Горестно сетовал на то, что не может привести в свой дом незаконнорожденного сына. А Том в минуты душевного откровения не без бахвальства поведал о «подвигах», которые не были зафиксированы в полицейских протоколах. За время их сотрудничества Том практически успел побывать во всех штатах. К своей «работе» он подходил очень изобретательно, стараясь не повторяться даже в деталях. А потому его сокамерников находили удавившимися на собственных ремнях, с перерезанными венами, умершими во время сна. Он считал, что помогает правительству Соединенных Штатов, и представлял себя в образе некоего Крысолова, борющегося с погаными тварями. Приятно было еще и то, что Рой открыл на его имя счет, и уже через год «работы» он мог вполне потягаться своим достатком с адвокатом средней руки. В последнюю встречу Рой выглядел

необыкновенно напряженным, что никак не вязалось с его преуспевающим видом. Он угостил Тома двумя баночками пива и сразу заговорил о главном:

– Мы переводим тебя в Нью-Йорк. В этот раз твоим клиентом будет русский.

Том сделал неторопливый глоток прохладного пива и только после этого решил выразить удивление:

– Русский? А что, разве русские тоже попадают в американские тюрьмы?

По большому счету, Тому было все равно, кто в этот раз окажется следующим: ему приходилось душить китайцев, однажды он перерезал вены греку, в прошлом году повесил на шнурке югослава. Так почему бы в этот раз не быть русскому? Где-то это даже занятно.

– Да, русский, – качнул головой Рой. – Но это очень непростой русский. Таких клиентов у тебя прежде не было. Он создал у нас в Америке мощный преступный синдикат. Кто знает, может быть, через него действуют российские спецслужбы, для того чтобы взорвать нашу экономику изнутри и нанести непоправимый вред нашей демократии и свободе, – с некоторым пафосом произнес он.

Том сделал большой глоток пива и вяло отреагировал:

– Это недопустимо, сэр. Я с вами полностью согласен.

– В этот раз твой гонорар будет значительно выше. За его голову ты получишь тридцать тысяч долларов. Потом посидишь для приличия месяц-другой и можешь уже выбирать

для места жительства любую страну.

Допив остатки пива, Том аккуратно поставил пустую баночку на край стола.

– Ты будешь навещать меня, Рой?

– Разумеется, дружище, куда мы теперь друг без друга, – фамильярно приобнял он Тома за плечи. – А потом... если ты изъявишь желание, то это будет не последнее наше дельце.

– Я буду только рад продолжению нашего сотрудничества, – белозубо улыбнулся Том.

– Но все должно быть выполнено чисто! Чтобы по поводу его внезапной кончины ни у кого не возникло даже малейших сомнений. Умер, и все!

– Я понимаю, – кивнул Том.

– Здесь есть еще один момент... Тонкость заключается в том, что этим русским парнем почему-то заинтересовались российские спецслужбы... ФСБ. И если мы его не уберем сегодня, то завтра они могут найти способ перетащить его в Россию. Между нашими странами существуют определенные соглашения.

От выпитого пива в голове у Тома образовалась приятная тяжесть, и он пожалел о том, что не попросил Роя привести с собой какую-нибудь шаловливую блондинку. Он с удовольствием задрал бы ей юбочку и совокупился бы прямо на огромном столе начальника тюрьмы.

– Я все понимаю, Рой, можешь на меня рассчитывать, я тебя не подведу, – твердо заверил Бык.

– Именно это я и хотел от тебя услышать, – похлопал Рой Тома по плечу, облегченно вздохнув. От прежнего напряжения на холеном лице Роя оставалась всего лишь небольшая черточка, которая криво рассекала узкий лоб. – А ведь я приготовил тебе подарок. – И он, отворив дверь, негромко позвал: – Малышка Люси, тебя здесь дожидается один ковбой!

– Господи! – выдохнул Том, едва девушка перешагнула порог.

– Только не задуши, – предупредил Рой, слегка погрозив ему пальцем. Люси не изменилась. Девушка оставалась такой же привлекательной, как во время их последней встречи. А коротенькое платьице делало ее похожей на супермодель, виляющую на подиуме бедрами. От желания у Тома перехватило горло. Именно с этой женщиной он связывал свои планы на будущее, именно от нее хотел иметь детей. В какой-то степени Люси являлась виновницей его пожизненного заключения. Но разве можно не простить красавице такой мелочи, как сто пятьдесят лет тюрьмы! Если бы Том и мог задушить Люси, так только от неистовой любви и непременно в крепких объятиях.

– Я знаю, что у вас есть о чем поговорить, – доброжелательно улыбнулся Рой. – Оставляю вас на час...

– Лучше на полтора, – взмолился Том.

– Ха-ха-ха! Я тебя понимаю. Ну, хорошо, пускай будет на полтора! Думаю, что начальник тюрьмы не будет на меня в обиде, если на некоторое время два любящих сердца наконец

воссоединятся, – съехидничал Рой и мягко прикрыл за собой дверь.

* * *

Быка перевели на следующий же день. Благо штаты находились по соседству, а потому процедура перевода не заняла много времени...

Теперь он лежал на спине, закинув руки за голову. В коридоре раздались шаги – Том прислушался. Нет, не к нему, зашли в соседнюю камеру. Прикрыв глаза, Том снова вспомнил Люси. В тот день она была необыкновенно решительной и смелой. Одним движением стянула с себя белые трусики и уверенно шагнула к нему навстречу. Том поднял ее на руки, бережно усадил на край стола, неторопливо распоясал брюки, а потом, крепко ухватив ладонями за упругие бедра, медленно вошел, заставив женщину непроизвольно вскрикнуть. Никогда он не думал о том, что этот час, проведенный в кабинете начальника тюрьмы, станет самым сладостным в его жизни.

Усталый, отдав любви едва ли не все силы, он долго гладил ее бедра.

– Рой сказал, что ты скоро выйдешь на свободу, – скорее утверждая, чем спрашивая, проговорила Люси, натянув изрядно помятую юбку. – Это правда?

– Все верно, детка.

– Но тебе же дали сто пятьдесят лет?

– Я должен... подписать кое-какие бумаги. В общем, я с недавнего времени работаю на ФБР. Они славные ребята и должны помочь мне с этим вопросом.

Люси нервно покрутила головой, а потом спросила:

– Ты не видел мои трусики?

– Нет.

Люси неожиданно обиделась:

– Ведь ты же должен помнить, куда зашвырнул их!

Том улыбнулся:

– Мне было не до того.

Через минуту Люси отыскала на столе начальника тюрьмы, среди вороха бумаг, узкие белые трусики.

– Ты не представляешь, как мне было хорошо, – быстро бросила она, натягивая кружевную вещичку.

– Мне тоже, – искренне отозвался Том.

– Я очень рада за тебя... За нас.

Том вновь ощутил приступ желания.

– Все так, крошка.

– Но почему тебя все-таки хотят отпустить? – не унималась девушка.

– Я на хорошем счету, детка, а потом эти ребята не бросают своих парней.

– Когда ты выйдешь, мы купим дом во Флориде? – это скорее была даже не просьба, а утверждение.

– Когда я стану наконец свободным, я в состоянии буду

купить не один дом, а целых два! В нем хватит места для целой дюжины сорванцов, которыми ты меня со временем порадуешь, – легкомысленно отозвался Том.

– Как это замечательно! – Люси достала из сумочки зеркальце и губную помаду, а затем быстро и умело подправила уголки губ. – Боже мой, никогда не предполагала, что мне придется заниматься этим в тюрьме... да еще в кабинете начальника.

Том оторвался от воспоминаний о Люси, открыл глаза и, повернувшись, стал пристально всматриваться в темноту: русский мафиози лежал неподвижно, вытянув руки вдоль тела, совершенно не подозревая о том, что от вечного беспмятства его отделяют какие-то часы.

Следующий день проходил, как и обычно: утро началось с осмотра камер. Русский вел себя спокойно, как будто всю жизнь провел в тюрьме. Хотя кто его знает, может быть, так оно и было в действительности. В этот раз утренний обход проводил начальник тюрьмы Джек Стейнбек, что случалось крайне редко. Обменявшись с Томом коротким взглядом, он, не сделав замечаний, последовал дальше по коридору, и Бык больше не сомневался в том, что тот догадывается о предстоящей акции.

Том прекрасно знал, что после обеда русский обычно пропадал в спортивном зале, благо для этого были условия: он нещадно молотил по груше, поднимал штангу и занимался так, как будто бы готовился к серьезным спортивным сорев-

нованиям. Надо признать, русский был счастливым обладателем прекрасного телосложения, и, повернись его судьба иначе, возможно, он сумел бы штурмовать олимпийские высоты. Том посмотрел на часы. Пора! Три минуты назад русский закончил разминку и теперь должен был заняться поднятием тяжестей. Сначала он толкал штангу от груди, увеличивая груз через каждые четыре подхода, потом занимался приседаниями. Причем действовал он всегда педантично, ни разу не сбившись с намеченного графика. Бык, стоя в сторонке, не однажды наблюдал за тренировками русского мафиози и не переставал удивляться его выносливости. По всей видимости, в криминальном бизнесе ему нет равных, если там дело поставлено таким же серьезным образом.

Открыв дверь в спортзал, Том увидел, что не ошибся, — русский вор, размеренно и очень аккуратно, напоминая хорошо отлаженную машину, толкал штангу от груди. Вес был подходящий, вполне достаточно, чтобы придавить им русского дона. Бросив короткий взгляд на заключенных, работающих на тренажерах, Том уверенно направился к русскому. Достаточно умелого нажима на штангу, и гриф, соскользнув с ладоней русского, рухнет ему на горло и тотчас раздробит хрупкую трахею. Произошедшее будет выглядеть заурядным несчастным случаем и вряд ли станет поводом для судебного разбирательства. Важно только все проделать быстро, чтобы неладное не почувствовала четверка, усиленно растягивающая тренажеры в дальнем углу спортзала.

Том чуть обернулся — все в порядке, кажется, они полностью увлечены собственными спортивными достижениями. Сделав два коротких шага, Том приблизился к русскому вплотную. Тот как раз держал штангу у самой груди и, стиснув зубы, пытался выбросить многопудовую тяжесть вверх. Бык, решительно ухватившись за гриф, попытался вырвать его из ладоней русского. Но, к своему удивлению, вдруг обнаружил невероятное сопротивление.

Русский оказался необычайно силен и, стиснув челюсти, пытался сбросить с себя тяжесть. Но штанга, вопреки его воле, медленно и неумолимо приближалась к горлу. От смерти русского отделяло всего лишь несколько секунд. Том мельком глянул в угол, где занимались остальные заключенные. Кажется, они ничего не заподозрили. Даже если бы заключенные смотрели в их сторону, то со стороны происходящее воспринималось бы как дружеская помощь русскому. Вот сейчас они сообща установят штангу на стойку, а потом перейдут к другим упражнениям. А русский, стиснув зубы, даже не пытался расходовать силы на громкий крик. И в этот момент Бык пошатнулся от сильного удара в голову.

Каким-то образом русский сумел изогнуться и пнуть его носком в висок. Одного мгновения было достаточно, чтобы мафиози перекинул штангу через голову, и она, тяжело позванивая металлическими блинами, рухнула на пол. Случай был упущен, другого теперь может не представиться. Прямо перед собой Том видел немигающий взгляд русского мафи-

ози, так смотреть способен только волк, изготовившийся к прыжку, и, стараясь действовать на опережение, он выбросил вперед правую руку. Неожиданно его кулак провалился в пустоту. Послушный силе инерции, Том, не удержав равновесия, упал прямо на скамью. Русский уже успел подняться и коротко рубанул его по шее.

* * *

Начальник исправительного учреждения Джек Стейнбек разместился за мониторами. Отыскав в спортзале русского мафиози, он увеличил изображение.

В этот день дежурным по этажу был лейтенант Джон Спенсер, ему не терпелось уйти поскорее – на то были свои причины. Его дочь, восемнадцатилетняя Катрин, уже третий раз возвращалась далеко за полночь. Джон сделал вид, что не замечает позднего возвращения любимицы, но через своих друзей установил, что она встречается с парнем по имени Билл, который был известен полиции как поставщик наркотиков. Спенсер хотел лично нанести визит парню, чтобы убедить его не встречаться с дочерью полицейского. Сначала по-хорошему.

Но если он окажется недостаточно понятлив, то уже при следующей встрече следует пообещать молодому наркодельцу место в городской тюрьме, где гориллоподобные и похотливые негры мигом лишат его целомудрия. Неожиданно из

спортзала донесся какой-то настораживающий шум. Распахнув дверь, Джон увидел, как Том попытался ударить русско-го. Но тот оказался необыкновенно проворен – отшатнувшись в сторону, он что есть силы ударил Тома ребром ладони по сонной артерии.

– Лежать! Если не хочешь получить дыру в башке! – рывкнул Спенсер, размахивая «магнумом». Можно было не сомневаться, что он непременно выполнит свое обещание, стоит только одному из заключенных приподнять голову. Следом за лейтенантом Спенсером, размахивая дубинками, вбежало двое надзирателей. Спенсер был одним из лучших стрелков штата, и он с готовностью докажет всему управлению, что не зря пропадал в тире.

– Наручники на этих скотов! Весь оставшийся срок они проведут у меня в одиночных камерах!

Лейтенант Джон Спенсер был доверенным лицом Стейнбека. Практически у того не существовало от него секретов, и Джек с радостью вручил бы ему ключи от своего кабинета, если бы представилась возможность занять более высокое кресло. Распластанный на полу атлет – зрелище куда более жалкое, чем кит, выброшенный стихией на берег. Гигант перегородил почти весь спортзал, и заключенные держались от него на почтительном расстоянии, как будто опасались, что он способен утянуть в преисподнюю всякого, кто посмеет приблизиться к нему. Рот Тома был широко открыт, словно он хотел поведать присутствующим какое-то значитель-

ное откровение. Да вот не успел, навсегда задохнувшись на полуслове.

– Что здесь происходит? – спросил Джон у русского, показав на безжизненно распластанное тело Тома.

– Я защищался, сэр, – коротко, но с большим достоинством отвечал русский.

– Ладно, разберемся, – буркнул лейтенант, понимая, что сегодня ему придется задержаться.

Один из надзирателей, подтолкнув Варяга в спину, уважительно поинтересовался:

– Где ты так научился драться, русский?

Вор едва заметно улыбнулся:

– В российской тюрьме.

* * *

Том подвел. Жаль. Теперь Рой Лоренц со злорадством думал о том, как приласкал в полутемной комнате очаровательную Люси. Он закинул ей юбку на самую макушку, приставил головой к стене и, вкладывая в каждое движение одновременно ярость и похоть, утолил злобу. Крохотная месть бывшему приятелю. Но как теперь обо всем поведать Луиджи Гобетти?

После случая с Томом Варяг стал более осмотрительным. Владислав старался не стоять в плотной толпе. Старался не держать за своей спиной людей, вызывающих опасение. Вни-

мательно относился к каждому встречному и непременно обращал внимание на то, какими предметами заняты руки заключенных. Несколько нетрудных правил, позволявших выжить в тюрьме. Его можно было сравнить с кабелем высокого напряжения, излучающим вокруг себя сильное магнитное поле. Многие из арестантов понимали, что следовало быть полнейшим безумцем, чтобы вторгнуться в это напряжение, хотя бы по касательной. Заключенные, всмотревшись в лицо русского дона, немедленно уступали ему дорогу. Утром Варяг вновь виделся с Нестеренко. Егор Сергеевич уверял, что делает все возможное и даже невозможное для того, чтобы вытащить его из тюрьмы. Что ж, вероятно, так оно и было в действительности. У Варяга не было оснований не доверять Нестеренко.

Академик говорил о том, что прорабатывался неплохой вариант обмена его на одного американского коммерсанта, который в порыве ревности придушил свою русскую сожительницу. И когда уже федеральные службы договорились между собой об обмене, американец вдруг не выдержал тягот следственного изолятора и повесился на резинке от собственных трусов. Грустно усмехнувшись, Нестеренко добавил, что в Бутырке блатные выделили для него парашу, и бедный иностранец полгода просидел верхом на крышке, потешая камеру рассказами о деловой жизни Манхэттена и о театрах Бродвея. Егор Сергеевич сообщил, что виделся со Светой, которая надеется на скорое освобождение Владисла-

ва, и это была самая замечательная новость, которую Варяг услышал за последние недели. Уже на прощание Нестеренко просил поберечь себя, чем вызвал у Варяга едва заметную улыбку. В эту минуту академик напоминал старого деда, всерьез обеспокоенного судьбой непутевого внука. Владиславу ничего более не оставалось, как успокоить старика искренним обещанием не ввязываться ни в какие ситуации, которые хоть в малейшей степени могли угрожать его жизни.

* * *

Нестеренко вдруг вспомнил свое последнее свидание с Варягом в России. Из Вены Владислав выехал на следующее утро, как и обещал Ангелу при их последней встрече. Помнится, погода в Москве была очень дрянной.

Нестеренко сидел на скамье и тихо пыхтел сигаретой, а порывы злого ветра без жалости рвали струйку сизого дыма на части, растворяя ее в вечерних сумерках. Такая погода всегда напоминала Егору Сергеевичу далекие Соловки. Академик поежился, как будто изморозь сумела-таки пробраться сквозь поднятый воротник. Частенько ему казалось, что все произошедшее с ним всего лишь плод его воображения: тот, другой Нестеренко, был молод, не очень уверен в себе и очень хотел жить. Если и походил он на него нынешнего, так только глазами. И лишь накладка «СЛОН», надежно спрятанная под рукавом рубашки, постоянно напоминала о дав-

но канувших в Лету неприятных фактах биографии. Грустно все это.

Нестеренко бросил недокуренную сигарету в урну и медленно поднялся. Следом за ним с соседней скамьи встали двое молодых мужчин. Это была охрана. Хорошо зная привычки своего хозяина, они последовали за академиком на расстоянии пяти шагов. Им было известно, что старик обожал одиночество, пусть даже такое, и мог подолгу зябнуть на пустынной лавочке, предпочитая глубокие раздумья сытному обеду в шикарном ресторане.

Неожиданно Нестеренко остановился и движением пальца подозвал к себе крупного светловолосого мужчину.

– Все ли готово, Павел?

– Да, Егор Сергеевич. Только как мы его узнаем?

– Очень просто. Я подойду к нему и задам какой-нибудь пустяковый вопрос.

Блондин понимающе качнул головой:

– Все ясно, это будет тот самый человек.

– Потом вы должны будете исчезнуть на несколько дней.

Когда все успокоится, я дам вам знать. А теперь оставьте меня, я хочу побыть в одиночестве.

Мужчина поспешно вернулся к своему напарнику, а академик неторопливо побрел дальше. Егор Сергеевич уже давно не выходил без сопровождения. Он успел смириться с присутствием охраны, главное, чтобы парни излишне не докучали ему своим присутствием и оставались незаметными,

как вечерние тени.

Сквозило. Порыв ветра ударил в лицо, и Нестеренко невольно зажмурился. Уже третий день его не отпускал от себя далекий Север, и даже в холоде столичного города ему чудилась стылая погода приполярного края. Он не однажды задумывался над тем, как легко предаются прежние убеждения, стоит только человеку оказаться за колючей проволокой. Особенно рельефно это наблюдается при дефиците еды, тепла, одежды. Не однажды приходилось наблюдать за тем, как друзья предавали друг друга только потому, что была возможность поспать не на жестких нарах, а на тонком топчане, заменяющем матрас. Многие старались самоутвердиться за счет таких же зэков, какими являлись сами, и назойливо нашептывали начальству о многих заговорах, рассчитывая тем самым вырвать для себя послабления в строгом тюремном режиме. Иным это удавалось.

До встречи с Варягом оставалось пять минут. Егор Сергеевич знал, что его бывший ученик явится ровно без одной минуты и будет нетерпеливо поглядывать в ту сторону, откуда должен явиться академик.

Так произошло и в этот раз.

Варяг поджидал Нестеренко в условленном месте Кутузовского проспекта и беспокойно поглядывал на часы. В его глазах было столько досады, как будто бы он пришел не две минуты назад, а уже целый час растранижил в бестолковом ожидании. Егора Сергеевича он заметил издалека, одна-

ко приветствовать не спешил, и, только когда академик подошел достаточно близко, он, здороваясь, приподнял руку:

– Рад вас видеть, Егор Сергеевич.

– Ох, лукавишь, Владислав, – пожал Нестеренко крепкую ладонь своего воспитанника. – Для тебя приятнее было бы отдыхать где-нибудь в Майами, подставлять палящему солнцу лицо, а не сморкаться в подворотнях от промозглого ветра. – Нестеренко взял под руку Варяга и неторопливо повел его по тротуару. – У нас-то ведь холодно.

– Холодно, – охотно согласился Варяг.

Они были похожи, и всякий, встречавшийся на их пути, делал смелое предположение, что престарелый родитель делает внушение своему взрослому сыну. Варяг невольно улыбнулся.

– А потом мне всегда приятно возвращаться в родные места, Егор Сергеевич.

– Хм, ты хочешь убедить меня в том, что это как раз тот самый случай?

– Если у меня и было чего в избытке за последний год, так это – ностальгии.

Нестеренко вдруг остановился, беспомощно поднял ладони вверх и примирительно проговорил:

– Хорошо, убедил, я тебе верю. Расскажи, как твои дела, мой мальчик? Я слышал, что кое-что в твоей судьбе изменилось и ты стал смотрящим?

Пришло время улыбаться Варягу:

– А я полагал, что это было сделано не без вашего участия.

– Ну, полно, ты преувеличиваешь мои скромные возможности. – Нестеренко вдруг задумался: – А если говорить откровенно, то лучшего смотрящего, чем ты, даже представить трудно. Ты вышел на очень серьезный уровень. Теперь в твоих руках будут сосредоточены такие средства и власть, что тебе могут позавидовать президенты многих стран.

– Егор Сергеевич, не все так просто, как это может показаться на первый взгляд. Огромные деньги – это всегда большие проблемы. А что касается последнего, так этого у меня всегда было в избытке.

– Что ты имеешь в виду конкретно, Владислав? Может быть, убийство твоих людей в Америке?

Нестеренко слегка попридержал Варяга за локоток и участливо заглянул ему в лицо. Владислав старался не выдать своего удивления. Нестеренко знал все! Академик никогда не говорил о своих источниках информации, но она всегда отличалась необычайной достоверностью. В этот раз он тоже попал! Очевидно, сообщения поступали к нему через многочисленных агентов ФСБ, которые были выброшены на заморский берег в результате последнего паралича демократической власти. Многие из них верно служили Нестеренко в России и не пожелали отказываться от его покровительства, даже оказавшись в стране «равных возможностей», и педантично, как некогда привыкли это делать в серых пузатых зданиях российской КГБ, высылали Егору Сергеевичу

подробнейшие отчеты.

– Вы угадали, Егор Сергеевич.

Нестеренко негромко рассмеялся и отвечал все тем же спокойным академическим тоном:

– Вот на этот раз ты не прав, мой дорогой мальчик, я не угадал... А располагал информацией. А в нашем деле это наиважнейшая вещь.

Законный заметил, что парни, следовавшие за ними в пяти шагах позади, уныло остановились, а Нестеренко неторопливо продолжал:

– Это, конечно, неприятно, но вполне поправимо. Хочу заметить, что в нашем деле не бывает без жертв. Советую тебе быть осторожным и не раскрывать себя. Пусть от твоего имени в Штатах действует другой человек. А ты будешь по-прежнему преуспевающим банкиром, меценатом. Кстати, сколько человек не вернулось?

Владислав посмотрел в глаза Нестеренко, в которых можно было отыскать напускную строгость доброго учителя. Скорее всего, Егор Сергеевич проверял его, и от правильного ответа теперь зависело, какую оценку он получит.

– Их было шестеро, – ответил Варяг.

Нестеренко согласно кивнул и повел Владислава далее.

– А ты знаешь, я рассказал Вике о том, что встречаюсь с тобой на днях, и она очень просила передать тебе привет.

Варяг не умел бояться, порой ему казалось, что страх для него так же неестествен, как полет для страуса. Но сейчас,

заглянув в бледно-голубые глаза Нестеренко, он почувствовал, что стоит на краю пропасти и достаточно легкого прикосновения, чтобы он, разбивая конечности о выступающие валуны, слетел в серую беспроглядную бездну. Нестеренко ценил откровенность, и Варяг решил воспользоваться этим обстоятельством.

– Передайте, пожалуйста, Вике, что я ее очень часто вспоминаю. Возможно, даже чаще, чем следовало бы. Однако что-либо изменить в своей судьбе я бы не захотел... Я слышал, что она выходит замуж?

Небесные глаза Нестеренко на мгновение заслонила серая тучка, и Варяг догадался, что он ненароком коснулся сокровенного.

– Да, это так... Как там сложится, гадать трудно, но я с нетерпением дожидаюсь от дочери внука.

Владислав обратил внимание на то, что прежних сопровождающих уже не было, а их место заняли другие, которые с профессиональным интересом посматривали вокруг, как будто ожидали, что кто-нибудь из прохожих осмелится вырвать чеку из гранаты и швырнуть ее в сторону прогуливающегося академика. Нестеренко остановился на углу переулка и как-то рассеянно посмотрел на часы.

– А если будет внучка?

– Что ты сказал? – переспросил Нестеренко. У Варяга сложилось впечатление, что академик чем-то сильно озабочен.

– Вы очень расстроитесь, если будет внучка? – повторил

вопрос смотрящий.

– Ах, вот ты о чем?... Нет, не очень.

В это время из ювелирного магазина вышел молодой мужчина в сопровождении двух подтянутых парней и направился в сторону новенького сверкающего «Лексуса», припаркованного у обочины.

– Молодой человек, – устремился к нему навстречу Нестеренко, – у вас не найдется для меня двух минут?

– Чего ты хочешь, старик? Денег? – не оборачиваясь, пробурчал фронт. – Много вас таких хотят на халяву пожить-ся. Бабки просто так не даются, они зарабатываются!

– Я об этом слышал не однажды, но у меня разговор несколько иного рода, – не отставал академик.

– Старик, мне сейчас не до пустой болтовни. Приходи ко мне через недельку.

– Очень жаль, думаю, что мне больше не удастся с вами побеседовать, – несколько резковато заметил Нестеренко, после чего подошел к удивленному Варягу и попросил: – Давай отойдем во-он к той скамеечке, – махнул он рукой.

Бизнесмен уже зашагал дальше, позабыв о встрече с чудаковатым стариком. Весело и энергично жестикулируя, он что-то рассказывал своим спутникам, а те, словно молоденькие жеребчики, реагировали на каждое меткое словечко своего шефа, заливаясь громким заразительным смехом.

Троица не спешила рассаживаться в салоне, некоторое время они оживленно разговаривали, потом один из них,

очевидно, водитель, щелкнул пультом, сняв машину с сигнализации, и уверенно сел на водительское кресло. Здоровяк потянул на себя дверцу, и в это же мгновение раздался мощный взрыв. Машина как-то нелепо подпрыгнула, а из выбитых окон полыхнуло пламя. Крепыша отшвырнуло метров на десять, и он, обугленный, остался лежать на асфальте в нелепой позе.

– Этот человек причинил моей девочке неприятности, – проговорил Нестеренко, посмотрев на распластанный труп, – больше он этого не сделает. Именно за него она когда-то собиралась выходить замуж.

Варяг натянуто улыбнулся. Прогремовший взрыв следовало воспринимать как некоторое предупреждение всем тем, кто по собственной глупости или легкомыслию мог не угодить академику. В этом отношении Нестеренко невозможно было понять до конца.

– Кажется, ты сейчас едешь в Питер? – обратился Егор Сергеевич к Варягу вполне обыденным тоном, как будто ничего не произошло.

Варяг в которой раз удивился осведомленности Нестеренко и его умению держать себя.

– Да. А оттуда возвращаюсь в Америку, – нехотя ответил Владислав.

– Держи меня в курсе своих дел. Мне это необходимо, впрочем, точно так же, как и тебе, – Нестеренко посмотрел прямо в глаза своему ученику. – Будь осторожен, мой маль-

чик.

– Обязательно, Егор Сергеевич.

Нестеренко сделал шаг к Варягу и распахнул объятия:

– А теперь давай попрощаемся, – и он крепко обнял Владислава.

Глава 3

ТЮРЕМНЫЕ БУДНИ

Свою службу в полиции Джек Стейнбек начал пятнадцать лет назад. За огромный рост и мускулистые руки сослуживцы прозвали его Кинг-Конгом. Но жена называла его ласково – «мой маленький Джеки». Стейнбек был американцем ирландского происхождения, и когда он поступил на службу в полицию, его отец, большую часть жизни отработавший на богатого соседа, едва не уронил слезу, говоря: «Ты моя гордость! Америка еще узнает, кто такие господа Стейнбек!»

Поначалу карьера Джека шла на редкость стремительно. Судьба баловала его высоким покровительством и благосклонностью начальства. Глядя на его огромную фигуру – грудку тренированного мяса, – мало кто мог удержаться от доброжелательной улыбки. Каждый думал о том, что очень неплохо, что эта махина работает на стороне правосудия, а не наоборот. А когда через шесть лет после окончания академии его назначили начальником городской тюрьмы, Джек посчитал, что это всего лишь очередной шаг в его карьере. Однако прошло долгих девять лет, но в его судьбе не произошло никаких благоприятных перемен. Хотя тюрьма, находившаяся в его ведении, считалась одной из самых образцовых в штате. И даже журналисты отмечали тот факт, что заключенные, отбывшие срок в этом исправительном цен-

тре, как правило, редко вновь попадают за решетку.

Однако Джек ждал от судьбы большего. Его друзья, с которыми он начинал службу, уже давно успели перерасти его, стали шефами полиции, возглавляли крупные отделы в министерстве, иные делали весьма успешную карьеру в политике. Однако в его судьбе уже давно не происходило ровным счетом ничего значительного. Вот разве только сам он несколько изменился: малость постарел и заметно прибавил в весе. В нем не сразу можно было узнать того молодца, который, под стать Гераклу, мог подпереть плечами гору. Поменялись и его личные приоритеты: если раньше он предпочитал проводить время в тренировочном зале, то сейчас им владело единственное желание – добраться побыстрее до дома, рухнуть на мягкий диван и, откупорив бутылку пива, выпить ее перед телевизором. Джек осознавал, что должность начальника тюрьмы – это потолок его профессиональной карьеры. Хотя его никогда не покидала надежда на то, что высокое начальство когда-нибудь сумеет оценить его способности по достоинству.

Свой выигрышный шар Джек получил в облике худощавого парня с улыбкой многообещающего актера, который представился агентом ФБР и сказал, что дальнейшая карьера Стейнбека напрямую зависит от взаимопонимания между ними. А он, в свою очередь, не упустит случая шепнуть кому следует о том, что в штате есть один неплохой парень, который заработал на службе у Дядюшки Сэма здоровенный

горб. Джек поддался на уговоры, и с тех пор его тюрьма находилась под опекой одного из подразделений ФБР. Агенты могли по своему усмотрению размещать заключенных в камерах и своими действиями часто напоминали шулеров, тасующих крапленую колоду. Фэбээровцы умело стравливали заключенных и избавлялись от тех, которым в соседних штатах давно был бы уготован электрический стул. Джек на все их действия закрывал глаза. Отчасти решения агентов не входили в противоречие с его собственными принципами. Среди заключенных, почивших в его тюрьме по воле ФБР, было немало многократных убийц и маньяков, и их уход из жизни следовало воспринимать как высшее благо, как акт возмездия или естественный финал их преступной карьеры. Да и сами заключенные не жаловали прослойку насильников, которые чаще всего составляли касту отверженных, а многие из них вынуждены были выполнять роль «девок». И, конечно же, об их преждевременной кончине никто тяжко не вздыхал.

О том, что исправительный центр стал неким филиалом ФБР, не догадывался никто. Это было одно из главных условий, которые поставил Рой перед начальником тюрьмы. Джек, всегда верный слову, стерег тайну так же строго, как сказочный дракон золотой клад. Скоро он осознал, что от его молчания зависит не только дальнейшая карьера, но и сама жизнь. Он ввязался в игру, правил которой практически не знал, и ужас заключался в том, что ее невозможно было оста-

вить на середине. Как говорится, карты разложены, господа! Подобное открытие несколько отравляло ему существование. Но тем не менее он обязан был дотянуть до самого финала. Господа Стейнбек просто по-другому не умеют, так сказал бы покойный отец. Проигрывать Джек не любил. Выигрывать любой ценой – это было одно из главных его правил, которым он следовал практически всю жизнь. А потому во всех комнатах своих сотрудников, включая свою собственную, он установил подслушивающие устройства и был в курсе всех разговоров подчиненных.

Нововведение ему пригодилось и позже, когда Рой Лоренц запирался с заключенными в его кабинете, где, возможно, чувствовал себя в полнейшей безопасности. Джек фиксировал на пленку каждый его вздох. Это будет неплохим сурпризом для тех, кто в дальнейшем сочтет начальника тюрьмы разменной пешкой в большой игре.

Также Джек знал и о том, что делается в каждой из камер, и всегда не без интереса наблюдал за жизнью своих подопечных. В этот раз разговор с Томом он прослушал трижды и, подумав, решил не вмешиваться. Русского должны будут убрать в спортзале, что будет похоже на несчастный случай. И все, что от него потребуется позже, так это распорядиться, чтобы к ноге покойного не позабыли привязать бирку. Джек даже предположил, что драка должна состояться у самого входа – здесь наиболее узкий проход. Но кто бы мог подумать, что русский окажется куда дальновиднее самого

Роя и докажет, что тюремный российский бокс куда эффективнее американского. Интересно, где он этому научился? Может, его готовили российские спецслужбы? Сумел вывернуться даже из безнадёжной позиции.

* * *

Весь следующий день был безвозвратно испорчен. Каким-то непостижимым образом журналисты сумели пронюхать об убийстве в исправительном центре, и вечерние газеты запестрели заголовками: «Очередное побоище в здании тюрьмы!», «Куда смотрит правосудие?», «Есть ли в тюрьме демократия?» А по ночному каналу вдруг неожиданно был передан сюжет, в котором бойкий репортер рассказывал обо всех подробностях драки. Описание произошедшего было настолько достоверным, что у Джека невольно закралось сомнение: а не вместе ли они наблюдали за развернувшейся дракой?

Увеличенным планом оператор показал этаж, на котором размещался спортзал, и в заключение с едкой интонацией добавил:

– До каких пор будет продолжаться насилие в исправительных центрах? А может быть, тюремная администрация решила взять на себя и роль судей?

Джек, едва подавляя в себе желание расколотить телевизор, нажал на кнопку выключателя и долго смотрел в то

место, где исчезала светящаяся точка. Этот репортаж был концом его карьеры. Все его честолюбивые планы в одночасье разрушил какой-то глупый юнец, едва выпрыгнувший из стен колледжа. Как объяснить этим впечатлительным пенсионерам, что он заведует не пансионатом для престарелых, а исправительным центром, тюрьмой! А в тюрьме, как известно, заключенные не только бьют друг друга рожи, но еще и убивают.

Джек мечтал, что когда-нибудь его старания будут оценены по достоинству и он сумеет сделать карьеру, а то и вообще перебраться в Вашингтон. Но после репортажа стало ясно, что его исправительный центр автоматически попадает в число худших заведений штата. И отныне более удачливые коллеги будут тыкать ему в спину пальцами и пренебрежительно улыбаться. А его собственная участь – до самой пенсии киснуть в этих стенах. Джеку Стейнбеку от этих размышлений сделалось невыносимо тоскливо, и он позвонил Рою.

– Слушаю, – безрадостно отозвался Рой на другом конце провода.

– Это Джек, – угрюмо откликнулся начальник тюрьмы. – У меня все валится из рук. Если бы не твоя дурацкая идея, то меня не мучили бы кошмары.

– Чего ты так беспокоишься? – невозмутимо поинтересовался Лоренц. – Тебя не должно беспокоить то, что произошло.

– А когда мне, по-твоему, стоит волноваться? Когда Дядюшка Сэм пнет меня под зад коленом за скверную работу?! Может, ты этого добиваешься?!

– О чем ты говоришь...

– ...Я прослужил пятнадцать лет и не получил ни одного взыскания, а сейчас меня могут просто вышвырнуть со службы безо всякого содержания! – перебил Стейнбек, нервничая и повышая голос. – А потом, мне очень не по душе вся эта газетная вонь вокруг моего учреждения. Если журналисты начнут копать дальше, то нам не поздоровится обоим, учти это!

– Ты напрасно нервничаешь, – спокойно произнес Рой, никак не отреагировав на эмоциональный взрыв Джека.

– И еще: как они обо всем узнали? Моя тюрьма – это не место для отдыха, а закрытое и строгое учреждение! – продолжал накручивать самого себя Джек. – Я начинаю думать, что она скоро превратится в один из филиалов городской вечерней газеты. Кто-то из моих сотрудников снабжает журналистов информацией!

– Джек, тебя не должна смущать вся эта шумиха вокруг твоего заведения. Она совершенно не коснется тебя. А потом... я сам обо всем рассказал газетчикам.

От приступа ярости у Джека на мгновение перехватило дыхание:

– Да ты просто сошел с ума!.. Я тебя просто удавлю!

Рой хмыкнул в трубку, и Джек даже представил, как ядо-

витая улыбка разодрала холеное лицо фэбээровца.

– Можешь не переживать, все идет по намеченному плану.

– О каком плане ты говоришь, дьявол тебя подери? Эти журналисты способны копать не хуже полицейских ищеек! Они могут вытянуть даже то, о чем мы просто и не подозреваем! Хочу тебя предупредить, я не из тех ребят, что берут все на себя! Ты меня подставил! Я выдам и тебя, и все твоё вонючее ФБР с головой! Я даже не стану торговаться, я сдам вас всех с потрохами, будете в следующий раз знать, как со-ваться туда, куда не следует!..

– Не горячись, Джек... – снова попытался остановить его Рой.

– ...И чихал я на твои обещания относительно моей карьеры! Я сыт по горло нашей дружбой! – ничего не хотел слышать Стейнбек.

– А теперь выслушай меня, недоумок. – Терпение Роя Лоренца подошло к концу, и в его голосе зазвучало трудно скрываемое раздражение. За годы службы в ФБР он научился контролировать свое настроение, чему в немалой степени способствовали штатные психологи. Все-таки ребятам деньги платят не зря, и они дают немало ценных советов, один из которых был определяющим в поведении Роя все эти последние годы – нужно наматывать нервы на кулак. В некоторых обстоятельствах весьма полезная вещь. – Не будь глупцом, если не хочешь, чтобы тебя в вечерних сумерках пере-ехал грузовик. А потом, у меня для тебя имеется приятный

сюрприз.

– Что еще за сюрприз?! – орал в трубку Джек. – Хватит с меня всех этих твоих неожиданностей! От них у меня волосы вылезают раньше положенного времени.

– Сейчас от твоего крика расколется трубка. Подожди хотя бы до завтра, а там можешь делать все, что угодно. – И Лоренц, не попрощавшись, бросил трубку.

Немного успокоившись, Джек Стейнбек вновь развернул газету. На той странице, где крупным планом был дан снимок тюрьмы, белой жирной стрелкой обозначались окна его кабинета, а ниже крупными буквами было приписано: «Отсюда начальник исправительного центра наблюдает за порядком в вверенном ему ведомстве». Джек в ярости отшвырнул газету и с тоской подумал о том, что завтрашний день будет значительно труднее, чем сегодняшний. Видно, сам черт подбил его связаться с этим полоумным фэбээровцем.

Эх, попадись к нему один из этих журналистов, так он сумел бы превратить его жизнь в ад!

* * *

Рой едва не разломал аппарат, швырнув телефонную трубку на рычаг. В последние недели ему явно не везло. Все проекты, которые он задумывал, неизменно разрушались, как будто кто-то следил за ходом его мыслей.

Год назад Лоренц сумел внедрить своего человека в руко-

водство восточной мафии Триада. И едва он успел провести с его помощью единственную операцию по ликвидации одного из каналов по доставке героина на Американский континент, как отрубленную голову «крота» полицейские обнаружили в одном из мусорных баков. Полгода назад он торжествовал победу, когда был одобрен его проект по борьбе с японскими якудза, но совсем неожиданно его перевели в европейский сектор, который занимался Россией. И ему пришлось начинать все сначала: входить в курс дела, налаживать и внедрять агентуру в среду русских, держать связь с эмиграционным отделом, чтобы своевременно выявить неблагонадежных людей. Это была своеобразная профилактика, которой он всегда уделял массу времени.

Досадным было то, что человек, который прибыл вместо него в восточный сектор, вскоре удачно воспользовался его разработками и сумел выявить всех законспирированных боссов. После этой операции вчерашний новичок был замечен высоким начальством из Вашингтона и скоро возглавил один из самых крупных отделов, занимавшихся наркотиками. Это был весьма хороший трамплин для прыжка в высший эшелон власти, а Рою лишь оставалось скрежетать зубами.

* * *

С русскими Рою Лоренцу просто не повезло. Он попался!

Каким-то непостижимым образом они узнали о том, что он связан с Луиджи Гобетти. И что самое обидное – утечка могла произойти только из ближайшего окружения дона. Вот и верь после этого в «кодекс молчания»!

Встреча, позволившая удостовериться в этом, произошла совершенно случайно. Спеша на службу, Рой столкнулся с молодым мужчиной, и тот вдруг неожиданно заинтересовался: а получил ли он семь тысяч долларов, что в последний раз передавал ему Луиджи Гобетти? Воспользовавшись его замешательством, незнакомец вдруг сунул ему в руки конверт и сказал, что у входа в городской парк его будут ждать в пять часов вечера, посоветовав напоследок не делать глупостей.

С минуту Рой Лоренц стоял неподвижно, будто бы пораженный столбняком, совершенно не замечая того, что мешает прохожим. Его толкали, на него недружелюбно косились, а он, не обращая ни на кого внимания, вскрыл конверт и вытащил из него две фотографии. Худшего придумать было невозможно: снимок был сделан в загородном доме Луиджи Гобетти, где знаменитый дон угощал своего гостя крепким французским ромом. Станный получался тандем. Интересно, знает ли об этом сам дон Гобетти? Как бы там ни было, но на встречу нужно было идти.

Его собеседником оказался высокий старик интеллигентной наружности. Он говорил вполголоса, размеренным тоном, как если бы читал лекцию. Но мягкая улыбка и располагающая внешность старика, Лоренц знал это наверняка, бы-

ли очень обманчивы. Перед ним был самый настоящий свирепый кашалот, который мог проглотить свою жертву, даже не пережевывая.

Буквально через несколько минут Лоренц уже знал, что хочет от него этот русский, а именно – помочь вытащить из тюрьмы Варяга, то есть того самого арестанта, на кого фэбэ-эровец не так давно натравливал беднягу Тома. Взамен русский тактично пообещал не разглашать его связь с Луиджи Гобетти и отдать фотографии и негативы, которые подтверждали эту связь. Рой понял, что крепко влип и придется что-то срочно придумывать.

– Главная ошибка вашего ведомства заключается в том, что вы часто недооцениваете русских, – тем временем уверещевал его незнакомец.

– Я не представляю, как его можно вытащить из тюрьмы после того инцидента, что произошел за ее стенами. Сейчас он наверняка находится в карцере, на него будет усилено давление. И ваш друг долго будет находиться под пристальным наблюдением начальства.

– Я могу подсказать вам, как это лучше сделать. Ваше счастье в том, что вы живете в демократической стране, – русский слегка склонил голову набок, как будто разговаривал не с сотрудниками ФБР, а с несмышленным младенцем.

Рой невольно улыбнулся, вспомнив о том, как в заснеженной Москве трое длинноволосых парней, угрожая ножом, сняли с него куртку. Если бы нечто подобное случилось с

ним где-нибудь в Филадельфии, то он поднял бы по тревоге половину города. А в русской заснеженной столице подобное происшествие вызвало только легкое сочувствие на лицах стражей порядка, – к подобному им не привыкать! – и пожелание не бродить в одиночестве по ночным улицам.

– Вы должны дать прессе полную информацию о происшествии. И как только поднимется шум, вы должны будете убедить свое начальство как можно быстрее избавиться от этого русского. Такой поступок во всех отношениях будет хорош. Вы докажете всему обществу, что не намерены терпеть бесчинства иностранцев, и пускай они отправляются туда, откуда прибыли. И, во-вторых, своими действиями очень поможете нам. Уверяю вас, в глазах всех вы будете выглядеть героем! – русский старался говорить как можно убедительнее.

– Но таким образом я подставляю начальника тюрьмы. К тому же, если поднимется шум в прессе, он не пожелает его расхлебывать в одиночестве и потянет за собой меня, – все еще сомневался Лоренц.

– Что я могу вам посоветовать... – незнакомец в раздумье слегка потер подбородок. – Если он бабник, предложите ему красивую женщину. Если он нуждается в деньгах... этот вопрос тоже решаем. Если у вас имеется на него какой-нибудь компрометирующий материал, то самое время, чтобы ткнуть его носом в прискорбные факты. Для меня сейчас самое главное, чтобы мой человек в ближайшее время выехал

в Россию.

– Сколько времени вы мне даете на это? – Лоренц окончательно согласился, поняв, что другого выхода у него нет.

– Неделю.

– После этого вы передаете мне все негативы?

– Разумеется, – посмотрел Нестеренко в глаза фэбээровцу. – Мы же с вами серьезные люди!

* * *

Уже через час Рой листал подробный доклад Джека о проишествии в исправительном центре. Из написанного следовало, что русский хорошо тренирован, умен, умеет мыслить нестандартно и хладнокровно и даже из самой неблагоприятной ситуации способен извлекать максимум преимуществ. Оставалось только удивляться тому, почему при всех своих преимуществах он не прибил Тома раньше. Так мог действовать только человек, обученный специальной технике ведения боя. Рою стало жарко. Агенты российских спецслужб теперь стали ему мерещиться даже в исправительном центре. Так можно сойти с ума! Не иначе как издержки профессии. Нужно обратиться к психологу. Подумав, Рой набрал телефон Гарри Скотта, одного из ведущих репортеров вечерних новостей. Их связывала многолетняя дружба, начало которой было положено в далекой Москве, где они вместе, служа в морской пехоте, охраняли здание посольства. Будущий ре-

портер был отменный волокита и сердцеед и все свое свободное время проводил в окружении многочисленных подружек, бездумно тратя на них едва ли не все свое жалованье. И не однажды он спихивал менее расторопному Рою поднадоевших девиц. Даже спустя годы Гарри оставался веселым и беспечным парнем, который, казалось, был создан для того, чтобы перепортить лучшую половину человечества.

– Гарри, это ты? Да. Приезжай немедленно... Так... небольшая сенсация... Нет, ты лично... Все, я тебя жду!

Гарри был не только известный сердцеед, в первую очередь он был высокочлассным журналистом. Высоко оценивая его профессиональные качества, совет директоров частенько закрывал глаза на его многочисленные чудачества и шалости. Если дело касалось чего-то стоящего, то он мог примчаться на место событий, даже позабыв застегнуть штаны. Поэтому Рой не удивился, когда уже через пятнадцать минут раздался стук в дверь. Гарри Скотт никогда не звонил, он всегда являлся без предупреждения, громко постучав в дверь. Делал он это с настойчивостью репортера, рвущегося на встречу с настоящей сенсацией. Впрочем, так могла стучаться и полиция, имеющая санкцию от прокурора. Не будь дверь бронированной, то она наверняка разлетелась бы под кулаками-кувалдами гостя.

– Рой, я тебя убью! – всерьез пригрозил Гарри, едва шагнув в комнату своего приятеля. – У меня накопилась масса всяких дел, а ты заставляешь меня все это бросать и лететь

сюда по твоей прихоти!

– Ты не пожалеешь, – снисходительно улыбнулся Рой.

– Тогда объясни мне наконец, почему вместо меня нельзя было позвать другого человека?

Рой продолжал доброжелательно улыбаться. Все срочные дела Гарри Скотта Рой мог перечислить по пальцам: первое – к ним в штат зачислили новую молодую журналистку, и он решил взять над ней шефство; второе – ему срочно нужно подыскать правдоподобную причину, чтобы оправдаться перед начальством за очередной загул; третье – ему необходимо найти доводы и для жены за свое долгое отсутствие; четвертое, – он подхватил очередную гадость, и теперь личные проблемы его интересуют куда больше служебных. Но самое вероятное, скорее всего, было пятое – своим звонком Рой заставил Гарри оторваться от очередной пассивности.

– Если я поступил так, значит, по-другому было просто нельзя. Для начала я хочу у тебя спросить: что ты знаешь об исправительном центре? – Лоренц, теперь уже без тени улыбки, воззрился на репортера.

На мгновение Гарри призадумался, после чего уверенно ответил:

– Ровным счетом ничего! – Он широкими шагами пересек комнату и, заметив на столе банку пива, энергично откупорил ее и сделал несколько больших глотков. По лицу журналиста пробежала блаженная улыбка, было видно, что холодное пиво пришлось ему по вкусу. – Ты же знаешь, как

только начальником тюрьмы стал этот свинья Джек Стейнбек, так он гонит взащей всю нашу журналистскую братию. Это недемократично! – Гарри отхлебнул еще глоток пива и обиженно подбоченился.

Рой поджал губы, выражая сочувствие. Даже своему близкому другу он не стал бы говорить о том, что исправительный центр стал закрытым по его личной инициативе. И надо признать, он потратил немало сил, чтобы отвадить ретивых журналистов от экспериментальной базы ФБР.

– Как я тебя понимаю, Гарри, – Лоренц качнул головой, искренне сокрушаясь.

– Ни черта ты не понимаешь! – обреченно махнул рукой Гарри. – А знаешь почему?

Рой сдержанно улыбнулся:

– Просвети.

– А потому, что ты фэбээровец! – выпалил Гарри таким тоном, как будто поставил другу диагноз неизлечимого заболевания.

– Ну не все фэбээровцы плохие ребята, – обиделся Рой Лоренц.

– Я хороших не знаю, – бескомпромиссно отрезал Гарри.

– Зря. Я хочу тебе доказать, что и среди фэбээровцев встречаются отличные парни. Возьми вот эти документы, из них получится очень неплохой репортаж.

Скотт лениво потянулся за листами бумаги, всем своим видом демонстрируя, что не особенно-то доверяет своему

приятелю, а если и берется за это дело, то лишь во имя давней дружбы. Обычная манера поведения Гарри. Даже из собственной просьбы он сумеет сделать другому одолжение. Как бы нехотя он перевернул одну страницу, пробежал глазами несколько строчек, перевернул вторую. В его глазах загорелось заметное любопытство, которое с каждой секундой перерастало в трудно скрываемый интерес. Гарри Скотт отличался профессиональным нюхом на сенсации, а из этих нескольких страниц можно выжать куда больше, чем рядовой репортаж о тюрьме. Если подойти к материалу с умом, то тогда можно сделать целый цикл броских передач, в которых речь будет вестись о правах заключенных в американских тюрьмах. Это необычайно модно. Все стали такими гуманистами! В свою очередь, подобные передачи увеличат количество телезрителей и позволят пробиться ему в десятку лучших репортеров Америки. Вот тогда наконец он осуществит свою мечту и войдет в совет директоров канала, а через год-другой может сделаться и его хозяином.

– Я возьму у тебя этот материал, Рой, – без особого энтузиазма проговорил Гарри. – Я тебе однажды уже рассказывал, что сейчас в совете директоров канала очень много случайных людей. Мне будет крайне сложно убедить их в целесообразности этой затеи.

Для себя он уже определил, что сделает репортаж в ближайшие несколько часов и постарается выпустить его в самое благоприятное для просмотра время, когда половина

страны, прожевывая хот-доги и попивая кофе, прилипнет к телевизору. Он даже не станет согласовывать свое решение с дирекцией, зная, что ответ непременно будет положительным. В конце концов, он уже давно вышел из того возраста, когда взрослые дяди водили его за ручку и с видом ученых мужей рассказывали о том, как строить репортажи. Сейчас он сам был звезда и имел на все собственную точку зрения и, конечно же, мог позволить себе такую шалость, как послушаться хозяина канала.

– Я пойду на это только ради нашей дружбы, Рой, – добавил он.

Важно, чтобы Рой почувствовал себя должником, – когда-нибудь его помощь может всерьез понадобиться.

– Спасибо, Гарри, – едва сумел подавить вздох облегчения Лоренц.

– Кстати, помнишь, в прошлом месяце мы были у тебя в управлении?

– И что с того? – удивленно переспросил Рой, не понимая, куда клонит Гарри.

– Я заметил, что у тебя есть прехорошенькая секретарша. Познакомь меня с ней.

Гарри Скотт обожал смешивать работу с удовольствиями. От этого крепкого коктейля он всегда получал дьявольское наслаждение. Всюду, где бы он ни бывал, он всегда умел знакомиться с хорошенькими женщинами, и порой казалось, что журналистская работа всего лишь повод для того, чтобы

приятно провести остаток вечера.

— Гарри, старина, ты совсем не изменился, — дружески хлопнул по плечу приятеля Рой. — Когда ты сделаешь репортаж об этой чертовой тюрьме, так я познакомлю тебя с десятком таких секретарш. Обещаю тебе, ты полгода не будешь надевать штаны и натрешь на своем члене огромные мозоли!

— Смотри же, я ловлю тебя на слове, — погрозил пальцем Гарри Скотт и с превеликой охотой влил в себя остатки пива. После разговора с Джеком Рой немедленно набрал телефонный номер сенатора штата Стивена Ленча. Еще несколько лет назад у них сложились приятельские отношения: оба являлись членами одного клуба, а кроме того, частенько встречались на светских раутах, которые устраивала мэрия в честь стражей порядка. А год назад в конфиденциальной беседе сенатор попросил отыскать его шестнадцатилетнюю дочь, сбежавшую из отчего дома, и по возможности выявить ее окружение.

Уже через два дня Лоренцу удалось найти дочь сенатора в небольшом провинциальном городке штата со своим великовозрастным любовником, который оказался безнадёжным наркоманом и к тому же самым настоящим сводником. Можно было не сомневаться, что, наигравшись с живой игрушкой, он наверняка швырнет ее на улицу, где она станет при-торговывать собой. Рой вернул тогда непутевую дочь пострадавшему отцу, а парня упрятал в исправительное учреждение.

– Стивен Ленч слушает, – услышал Рой звучный голос сенатора.

– Это Рой. Извини, что я тебя побеспокоил, но мне нужна твоя помощь, – тут же перешел к делу Лоренц.

– Не стесняйся, Рой, говори, в чем дело? Ты же знаешь, что я твой должник.

– Тебе известно о том, что у нас в тюрьме находится русский мафиози? – осторожно спросил фэбээровец.

– Сейчас об этом столько пишут, что об этом знает даже сенатор, как это ни странно, – с иронией заметил Ленч.

Рой представил, как по лицу Стивена Ленча скользнула снисходительная улыбка.

– Извини, Стивен, я не с того начал, – поспешил сгладить неловкость Лоренц.

– Рой, ты слишком часто извиняешься, давай, наконец, выкладывай, в чем там у тебя дело, – нетерпеливо потребовал сенатор.

– А дело в том, что мы как раз сейчас занимаемся именно этим русским и очень заинтересованы отправить его обратно в Россию.

– Это почему? – в голосе Ленча слышалось явное недоумение.

– Во-первых, у нас хватает своих мафиози, а во-вторых, мы выжали из него все, что смогли. Он пустой! И теперь он не представляет для нас никакого интереса, – как можно более убедительно высказался Рой.

– По газетным публикациям никак не скажешь, что вы сумели вытрясти из этого парня все, что смогли.

– Газетчики просто не могут знать все... Сам понимаешь! А распространяться на эту тему нам ни к чему. А потом, когда он наконец отсидит свой срок, то изъявит желание остаться в Америке... насовсем! Вот тогда избавиться от него будет куда труднее. Ты же знаешь всех этих наших демократов! А наш исправительный центр – это не лечебница, русский сумеет наладить связи со многими мафиозными кланами и в дальнейшем будет куда опаснее, чем сейчас.

– Я тебя понял. Считай, что ты меня убедил. Для меня это не будет составлять большого труда, завтра я распоряжусь, чтобы подготовили соответствующие бумаги. Объявим его персоной нон грата. Это твоя единственная просьба?

– Стивен, у тебя есть возможность перевести начальника исправительного центра Джека Стейнбека куда-нибудь в другое место с повышением? Парень там заработался, а ему уже давно пора расти, – в голосе Лоренца слышалось плохо скрываемое напряжение.

– Вопрос непростой. После этой шумихи, что сейчас творится вокруг этой тюрьмы, моей инициативы могут не понять... А потом... это не совсем по моему ведомству.

Рой почувствовал, как холодный пот выступил на шее и белая рубашка неприятно обтянула спину. Все пропало! Сенатор отказал! Словно почувствовав напряжение приятеля, Стивен спросил:

– Это тебе очень надо?

Стараясь не выдать себя волнением, Рой ответил как можно увереннее:

– Да!

– Это будет очень непросто сделать, – повторил сенатор. – Но, хорошо, я кое-что придумаю. В этом ведомстве работают мои хорошие друзья, которые многим мне обязаны. Я постараюсь убедить их перетащить этого парня к себе.

– Это было бы очень здорово! Поверь мне, они еще будут тебе благодарны! – обрадовался Рой.

– Я тебе позвоню завтра утром и сообщу о его перспективах.

– Я твой должник, Стивен.

Уже через секунду раздались громкие прерывистые гудки. Рой медленно положил трубку, надеясь на то, что сенатор не подведет.

* * *

Стивен Ленч не обманул – в восемь часов он разбудил его телефонным звонком и сообщил, что для Джека Стейнбека нашлось неплохое место в министерстве юстиции и теперь его ирландский приятель будет курировать половину тюрем штата. С этой приятной новостью Рой перешагнул порог исправительного учреждения, где его с унылым видом дожидался Джек. Происшествие, случившееся в городской

тюрьме, по-прежнему продолжало оставаться событием дня, и у ворот учреждения дежурили толпы назойливых журналистов, рассчитывая хотя бы на небольшое откровение начальника тюрьмы. Однако Стейнбек третьи сутки не покидал территорию вверенного ему учреждения и стойко переживал нешуточную осаду репортеров. Журналисты, подобно воробьям, атаковавшим каждый кусочек брошенного хлеба, энергично и кучно насакивали на каждый выезжавший со двора тюрьмы автомобиль в надежде отыскать в салоне самого популярного человека недели. Поглядывая на них из окон своего кабинета, Стейнбек думал о том, с какой радостью засадил бы всех этих писак в одну камеру, а потом с наслаждением выгуливал бы их по тюремному дворику, слово псов.

Машину Роя Стейнбек увидел сквозь опущенные жалюзи и поспешил навстречу агенту ФБР. Час назад Рой сообщил ему по телефону, что сдержал свое обещание и у него имеются для Джека весьма неплохие новости.

– Как ты себя чувствуешь? – бодро поинтересовался Рой, пожимая руку Джеку Стейнбеку. – Подъезжая к тюрьме, я сначала подумал, что у ворот твоего заведения проводится какой-то массовый митинг в поддержку прав заключенных.

– Сейчас у них прав больше, чем у нас с тобой, – недовольно буркнул Стейнбек.

Рой одобрительно рассмеялся:

– Вижу, что ты не потерял чувства юмора... А потом по-

нял, что это никакой не митинг, ты просто делаешь себе какую-то рекламу и переманил к себе всех журналистов города. Ты собираешься баллотироваться в губернаторы штата?

– Мне не до твоих шуток, – огрызнулся Стейнбек.

– Объясни мне, чем ты их взял? Может быть, предложил им поменять свои дома на комфортабельные камеры? – Помахав пальцем, Рой протянул: – Ра-азбойник! Они клюнули на твою уловку! Я ведь и сам давно мечтаю о том, чтобы упрятать всех надоедливых журналистов как можно дальше!

Рой излучал благополучие. Его улыбка красноречиво говорила о том, что он несказанно доволен жизнью и даже гнетущая атмосфера тюрьмы не способна омрачить его настроение.

– Ты спрашиваешь меня о том, как я себя чувствую? А как еще должен чувствовать себя человек, которого жарят на сковородке? – обреченно спросил Джек. – Я не сплю по твоей милости уже третьи сутки! Не выхожу из тюрьмы, чтобы не столкнуться нос к носу со сворой борзописцев, которые только и жаждут того, чтобы поместить мою унылую физиономию на первые полосы газет.

– Вижу, что ты действительно очень переживаешь... Но уверяю, дружище, у тебя отныне нет больше повода для беспокойства, – слегка приобнял здоровяка за плечи Рой. – Завтра из управления должна прибыть важная бумага, ты получаешь новое назначение.

– И кем же теперь я буду работать? – недоверчиво посмот-

рел Джек в жизнерадостную физиономию Роя. – Таксистом, что ли?

Фэбээровец поморщился:

– Ну, зачем же так? Ты ведь способный человек. Тебя ожидает новое назначение в министерстве юстиции. С завтрашнего дня в твоём подчинении будет половина тюрем штата. Ты идёшь на повышение, Джек. Тебе очень пойдёт эта должность. Только обещай, что когда меня закроют за явные и мнимые грехи, то ты найдёшь для меня тюрьму попроще.

Джек широко улыбнулся – все-таки этот фэбээровец неплохой парень.

– Разве я могу отказать в такой малости своему другу. А что будет с русским?

– Тебя не должно это волновать, – коротко бросил Лоренц, после чего неожиданно добавил: – С русским вопрос тоже решен. Через пару недель он будет выслан из страны. А теперь, я думаю, ты угостишь меня чашкой кофе? Знаешь, у меня тоже был очень непростой день.

* * *

Со Светой – женой Варяга – Нестеренко встретился в тихом тенистом парке, по деревьям которого шныряли проворные белки. Они сели на скамейку, помолчали.

– Я виделся с Владиком, – тихо промолвил Егор Сергеев.

вич.

– Как он? – Света напряглась и прикусила нижнюю губу.

– У него все хорошо, – сделал слабую попытку утешить женщину Нестеренко. – Он молодец, держится хорошо, не унывает. Передает тебе большой привет, говорит, что всегда помнит о вас с сыном, и просит, чтобы вы не раскисали.

– С ним действительно все в порядке? – Света бросила на академика недоверчивый взгляд.

Егор Сергеевич ободряюще улыбнулся, после чего бодро проговорил:

– Конечно, в порядке! У американцев ведь не тюрьмы, а санатории. Ест до отвала, спит вдоволь, ходит в спортзал, поддерживает форму. Отдыхает, одним словом!

– Когда я с ним могу увидеться?

– Думаю, что скоро. Сейчас я делаю все, чтобы переправить его в Россию. А там все свои. Помогут!

Егор Сергеевич не говорил Светлане всего. Не далее как вчера вечером он вновь разговаривал с Роем Лоренцем и вместе с обещанными негативами предоставил ему и видео-запись, где тот трогательно общается с Луиджи Гобетти. В обмен на пленку Нестеренко потребовал у Лоренца содействия в том, чтобы Варяга отпустили под залог. И, судя по утреннему звонку, тому это удалось. Егор Сергеевич не хотел торопить события, а потому решил промолчать. Пусть встреча с мужем будет для Светы большим сюрпризом.

Света посмотрела на сына, возившегося в песочнице, и

произнесла:

– Хорошо... Но если бы рядом был Владик, было бы совсем замечательно.

Она улыбнулась, но улыбка получилась неловкой, так как на глазах блеснули слезы.

– Держись, малышка, – почти ласково проговорил Нестеренко. – Все будет хорошо. Скоро ты его увидишь, а сейчас мне нужно идти. Самолет вылетает через три часа.

Подняв тонкую ладонь Светы с колен, он слегка притронулся к ее пальцам губами и доброжелательно улыбнулся. После чего, поднявшись со скамьи, он, заложив руки за спину, пошел по ухоженной дорожке парка.

У входа академик остановился. К нему тут же подошел молодой человек и спросил:

– Будут какие-то указания, Егор Сергеевич?

– Указания те же самые, – коротко бросил Нестеренко. – От Светы ни на шаг! За ее сохранность отвечаете вы лично... Головой!

Парень слегка крикнул, но отвечал с готовностью:

– Разумеется!

– Это еще не все, – слегка нахмурился академик. – Фиксировать всех, кто заговорит со Светой. Пусть даже встреча покажется вам случайной. Я уверен, что ее сейчас ищут. В нашем плане она наиболее слабое звено. Постарайтесь собрать как можно больше информации о ее контактах, мы должны знать в лицо своих противников.

Глава 4

ВАРЯГ, О ТЕБЕ ПИШУТ В ГАЗЕТАХ

Нестеренко навестил Варяга под вечер. Владислав держался спокойно, он как будто бы даже поправился со дня их последней встречи.

– А ты герой, Владислав! – дружелюбно заметил Егор Сергеевич. – О тебе сейчас пишут едва ли не все газеты Америки. О такой популярности мечтают все звезды Голливуда.

– Я не страдаю звездной болезнью, Егор Сергеевич, я даже не читаю этих газет, – пожал плечами Варяг.

– Отчего? – искренне удивился академик.

Владислав снова пожал плечами:

– Они мне просто неинтересны.

Нестеренко понимающе кивнул. Конечно же, Варяг прав, невозможно найти вора в законе, который стремился бы к популярности. Владислав был одет в дорогую рубашку с открытым воротом и в стильные джинсы. В этой одежде он совсем не походил на арестанта. Такая респектабельная внешность вполне подошла бы преуспевающему бизнесмену, который решил запереть себя в четырех стенах, спасая остаток вечера от телефонных звонков. Егор Сергеевич сделался неожиданно серьезным:

– Может, это и хорошо, что ты не читаешь прессы. О тебе во всех изданиях идет такая трескотня, что просто ди-

ву даешься! В одночасье тебя записали в агенты всех существующих спецслужб, начиная с ФСБ и заканчивая «Моссадом». Но главная новость совсем не эта. – Нестеренко выдержал паузу и, разглядев в глазах Варяга нетерпение, с улыбкой произнес: – Недели через две ты вылетаешь в Россию.

– Вот как... Почему же тогда все молчат? Кто еще знает об этом?

– Об этом знают начальник тюрьмы и еще два человека. Ты улетаешь тайно, мой мальчик. Об этом позаботилось ФБР, так что лишняя шумиха вокруг твоего имени совсем ни к чему.

– Очень хорошая новость, – одобрил Варяг.

– Это еще не все, – хитро улыбнувшись, продолжал старик. – Скорее всего, тебя послезавтра освободят под залог. Он будет составлять миллион долларов.

– Немало!

– За тебя мы могли бы дать и побольше. Так что не надевай глупостей...

– Было разбирательство, комиссия сочла, что я защищался, – заметил Владислав, имея в виду свою драку с Томом.

Егор Сергеевич хмыкнул:

– Об этом я знаю. Иначе мы бы с тобой сейчас не разговаривали. Но хочу заметить, не часто они оправдывают русских. Скорее всего, побоялись журналистов. В связи с этим у меня к тебе есть еще просьба.

Варяг насторожился:

– Какая?

– Как только тебя выпустят под залог, ты не должен исчезать. И в Россию обязан отбыть под охраной, такова цена твоего временного освобождения. Я дал слово. Человек, который провернул для тебя это дело, очень рискует. Он еще не однажды может нам пригодиться. Таких людей, как известно, нужно беречь, – объяснил Нестеренко.

Варяг на несколько секунд задумался, а потом с заметной тоской в голосе проговорил:

– Хорошо... Хотя сделать это мне будет очень нелегко.

– Я это знаю, – согласился Нестеренко.

Егор Сергеевич уже хотел было положить трубку, когда вдруг услышал возглас Варяга:

– Егор Сергеевич!

– Слушаю тебя, Владислав.

– Они знают обо мне все. Меня кто-то выдал. Скорее всего стукач присутствовал на последнем сходняке. Я должен достать его!

– Я тебя понимаю, Владислав, – спокойно проговорил Нестеренко. – Убежден, что он сейчас находится в России... У нас еще будет время поговорить об этом.

Егор Сергеевич кивнул на прощание седой головой и положил телефонную трубку.

Светлана очень скучала по Владиславу. Когда становилось особенно тоскливо, она брала на руки пятилетнего Олега и качала его, словно грудного. Дом, в котором она проживала, был большой, но неуютный. Ей порой казалось, что в каждой комнате ее ожидает по гангстеру с ножом в руках. Тогда она спускала с цепи трех огромных сенбернаров и всюду включала свет. В последние две недели одиночество сделалось особенно болезненным, и, спасаясь от него, она частенько выходила в городской парк прогуляться, чтобы хоть чем-то занять время. По-настоящему в безопасности она чувствовала себя на многолюдных улицах Торонто, где раздавался смех беспечно веселой молодежи и беззаботно, не спеша, прохаживались старики.

Светлана полюбила Торонто. Особенно красивыми здесь были парки, которые больше напоминали ухоженные сады, а белки были настолько доверчивы, что прыгали даже на раскрытую ладонь.

Олег, взобравшись на кучу песка, с интересом лепил замок с многочисленными ходами-переходами. Весь его вид говорил о том, что нет на свете более важного занятия. Света знала, что если дать ему волю, так он, уподобившись кро-ту, выроет такую нору, из которой его придется выдергивать, словно морковку.

– Какое счастье иметь такого малыша, – услышала Светлана совсем рядом мужской голос.

Света нахмурилась. О предупреждении Нестеренко забывать не стоило. К тому же уличное знакомство – это не ее стиль.

Однако взглянув на приветливое лицо незнакомца, она отринула подозрительность – перед ней был самый обыкновенный молодой человек лет тридцати, весьма приятной наружности, с любезной и очень располагающей улыбкой. Его можно было бы назвать даже красивым, если бы не огромная черная родинка на правой щеке. Он напоминал богатого скупающего бездельника, заблудившегося в обществе молодых мам. Весь его вид источал благодущие, и он созерцал окружающее пространство едва ли не с детской непосредственностью, как будто все увиденное доставляло ему нескончаемую радость. Ребячество, застывшее на его лице, выглядело очень подкупающе, и Светлана попыталась ответить незнакомцу такой же добродушной улыбкой:

– Конечно, счастье.

– Он у вас шалун, как и всякий мальчишка.

– Очевидно, это наследственный недостаток. Его папа до сих пор не может изжить такой же, – вскользь прокомментировала Светлана.

– Вы мне позволите присесть? – мягко поинтересовался незнакомец.

– Пожалуйста, – чуть пожала плечом Светлана, – это ведь

не частная собственность.

Олег увлеченно ковырялся совком в песке, как будто разыскивал клад.

– Это вы верно заметили, в каждом мужчине непременно живет еще и подросток. И это, увы, не проходит даже со старостью. Я знаю об этом по своему отцу. – Губы его слегка дрогнули, и он вновь продемонстрировал свои безукоризненные зубы. – Знаете, я здесь частенько гуляю, совсем недалеко отсюда находится мой дом, – он махнул рукой в сторону выхода. – И мне всегда приятно видеть вас здесь. Вы очень красивая женщина.

Еще минуту назад ни к чему не обязывающий разговор вдруг начинал приобретать форму флирта. А это уже была крайность. Дальше – опасная зона. Самое разумное в ее положении сразу определить рамки.

– Знаете, я пойду. Мы уже хорошо прогулялись. У нас в городе еще масса дел. Нужно пройтись по магазинам, купить продуктов, – поднялась со скамьи Светлана. – До свидания.

– А вы приходите завтра. Я вас буду ждать, – в голосе незнакомца слышались просительные нотки.

– Непременно, – улыбнулась женщина, твердо дав себе обещание больше не ходить в этот парк.

Вернувшись домой, Светлана вновь ощутила невыносимое одиночество и весь вечер думала о странном незнакомце. А на следующий день, повинуясь внезапному порыву, одела Олега и повезла в парк. Новый знакомый сидел на той

же самой скамейке и курил, мечтательно отправляя дым к небу. Светлана не могла не отметить, с какой любовью он смотрит на возившихся неподалеку ребятишек. Он действительно любил детей, такой взгляд мог принадлежать только человеку, обделенному детской привязанностью. Мужчина мгновенно поднялся и сделал несколько шагов ей навстречу.

– Я вас жду второй час, – произнес он, и Светлана сумела уловить в его голосе несколько высоких ноток обиды.

– Могло получиться так, что вы прождали бы и побольше, – улыбнулась самоуверенности нового знакомого Светлана. – Дело в том, что мы с вами не договаривались о встрече, и вообще, я сегодня не собиралась идти в парк.

– И тем не менее вы пришли сюда, и за это вам огромное спасибо. – Обида на его лице исчезла, уступив место привычному добродушию.

– Этот парк – мое любимое место в городе, – просто сказала Света. – Здесь я люблю прогуливаться с сыном. Я по своей природе консерватор и редко изменяю своим привычкам.

– Тем не менее это никак не влияет на ваш облик. Не побоюсь повториться – вы очень красивая женщина, и я, прежде чем осмелился подойти к вам, признаюсь, долго наблюдал за вами со стороны. Ваш муж очень счастливый человек... Он, наверное, ежеминутно одаривает вас комплиментами и носит на руках.

Восторженные слова сумели вызвать у Светланы еще одну легкую улыбку.

– Смелое предположение. Вообще-то мы с ним редко говорим о любви. Это не наша тема. Важно не то, что говоришь, а то, что чувствуешь, – в голосе Светланы прозвучала едва различимая грусть.

– Он просто не может не боготворить вас! Такую женщину нельзя не любить! – продолжал сыпать комплиментами новый знакомый.

Малыш уже разглядел знакомую песочницу и, вооружившись огромным совком, тянул маму за руку. Ему явно не терпелось воплотить в жизнь грандиозные задумки. А когда он почувствовал, что ладонь матери разжалась, то уверенной походкой бывшего прораба, наперевес с орудием созидания, поспешил к оставленной стройке. А Светлана тем временем обдумывала, что ответить на слова молодого человека.

– Какого ответа вы от меня ждете? Конечно, он меня любит, но, как и всякий мужчина, мой муж большую часть своего времени проводит на работе, – наконец мягко произнесла она.

– А чем он у вас занимается? У такой красивой женщины, как вы, муж наверняка должен быть очень состоятельным человеком. Мне думается, он у вас банкир или очень крупный бизнесмен.

– Вы угадали... Он бизнесмен! – нехотя ответила женщина. – Только я не могу судить, насколько он удачлив... А потом, я в этом ничего не понимаю, и мой муж никогда не рассказывает мне о своих делах.

– Смею вас заверить, что самое ценное приобретение в бизнесе вашего мужа – это вы сами!

– Со мной он познакомился задолго до своего бизнеса, – невольно улыбнулась Светлана.

Она вдруг поняла, что ей приятно разговаривать с незнакомцем. Может, это происходило оттого, что Света просто истосковалась по живому общению и нуждалась в нем особенно сейчас, когда Владислав был от нее особенно далеко.

Такой парень, как тот, что сейчас сидел напротив нее, несомненно должен был нравиться девушкам, а его слова, подобно наркотику, способны были отравить сознание любой неискушенной души. Видно, за его плечами немало блистательных побед, и очередная встреча с женщиной для него не что иное, как следующая ступень самоутверждения. Таких бездельников ей приходилось встречать в полупустых барах, где мужчины всегда готовы были завести беседу с хорошенькой посетительницей. Просто этот экземпляр более изыскан, чем прочие бездельники в пропахших пивом заведениях.

Возможно, Светлана нашла бы повод, чтобы спровадить незнакомца, но ей вдруг стало приятно, что взгляд этого красавца остановился именно на ней. Хотя, если быть объективной, в парке прогуливалось немало скучающих дам, которые не стали бы противиться такому знакомству и даже, наоборот, были бы рады скрасить время с милым и обходительным кавалером. Олег уже возводил новые впечатляющие со-

оружения и, подобно шахтеру, успел зарыться едва ли не по колено в рыхлый сыпучий песок. В помощниках у него уже трудились двое таких же увлеченных сверстников. Они живо что-то обсуждали, периодически меняясь орудиями труда.

– Вы все расспрашиваете обо мне. По-моему, это нечестно, – заметила Света. – А чем вы занимаетесь сами?

Новый знакомый расхохотался, смех его при этом получился каким-то нервным.

– Я достаточно обеспечен, чтобы еще чем-то заниматься. Но признаюсь, все свободное время я посвящаю фотографии. Я бы хотел надеяться, что вы примете от меня портрет...

– Портрет? – удивилась Света.

– Да, ваш портрет, – очень просто отвечал новый знакомый. – Мне кажется, что он получился очень удачным.

– Так где же он? Покажите! – не сумела сдержать нетерпения Светлана.

Молодой человек раскрыл сумку и вытащил из нее небольшую фотографию в рамке.

– Пожалуйста, возьмите.

– Боже, как же похоже! – не сумела сдержать восторга Светлана. – Вы, оказывается, настоящий фотохудожник.

– Смею надеяться, что это так.

– Когда же вы успели сфотографировать меня, ведь мы же с вами встречаемся второй раз?

– Я прихожу сюда уже не в первый раз и давно наблюдаю за вами. Обратите внимание на платье, вы были в нем ровно

неделю назад, вот тогда я выбрал удобный момент и заснял вас.

Действительно, неделю назад на ней было сиреневое платье – одно из самых любимых. Фотограф сумел придать ей необыкновенную живость, даже наделил некоторой воздушностью, казалось, что она не ступает, а плавает в облаках. Руки были слегка приподняты и выглядели немного длиннее, чем были в действительности, как будто она выпрашивала у заходящего солнца тепла и света.

– Боже мой, какая замечательная фотография!

– Я старался, – улыбнулся новый знакомый.

– Даже не знаю, как вас отблагодарить, – искренне призналась Светлана.

– А мне ничего от вас не нужно. Разве что узнать ваше имя...

Света негромко рассмеялась:

– Ах, вот оно что. Меня зовут Светлана.

– Све-ет-лана. Очень красивое имя. Можно я буду называть вас Ланой?

Света пожала плечами:

– Некоторые меня действительно здесь так и называют. Я не возражаю. Это мое короткое имя. А как же зовут вас?

– Джованни Орси.

– Тоже красиво.

– Очень надеюсь, – губы нового знакомого слегка дрогнули. – А может, мы с вами как-нибудь встретимся еще раз?

Скажем, где-нибудь за чашкой кофе? Обещайте!

Светлана задумалась.

– Сделать это мне будет очень трудно. – Но, взглянув на портрет еще раз, уже более уверенно пообещала: – Хорошо... Оставьте мне ваш телефон. Я вам непременно позвоню, – она полезла в сумку за ручкой.

Орси остановил ее, коснувшись белых тонких пальцев. Прикосновение получилось неожиданным и одновременно очень нежным, и Светлана, отдернув ладонь, слегка покраснела, смутившись.

– Вам не стоит беспокоиться... я дам вам свою визитку. – И, сунув руку в нагрудный карман, он извлек небольшую карточку: – Возьмите. Вы всегда можете найти меня по этому адресу. Если же меня не будет, так наговорите сообщение на автоответчик и я немедленно дам вам знать о себе.

– Я обязательно позвоню вам, – пообещала женщина.

– Я буду ждать.

– А теперь мне надо идти. Вы уж извините меня.

И, взяв Олега за ручку, Светлана повела его к выходу. Джованни не спешил уходить. Он долго смотрел вслед удаляющейся женщине, а потом поднялся и пошел в противоположную сторону. Он не заметил, как следом за ним направился неприметный мужчина в потертых джинсах и длинной клетчатой рубашке навыпуск.

Луиджи Гобетти выстроил дом на вершине скалы, с которой прекрасно просматривалась не только гладь озера Онтарио, но и багровый прищур заходящего солнца. Дон Гобетти любил свой дом, и ему пришлось немало потрудиться, прежде чем он предстал таким, как выглядел теперь.

А чтобы возвести этот трехэтажный особнячок, сначала пришлось выровнять взрывами площадку на вершине. Многочисленные осколки, что торчали из скалы подобно гнилым зубам, он велел выдрать, а глубокие ямы выравнивал до состояния идеального футбольного поля. Потом целый месяц гигантские самосвалы свозили плодородную землю на место будущего сада. А когда чернозема было завезено ровно столько, что его хватило бы для того, чтобы заложить на этом месте городской ботанический питомник, Луиджи Гобетти решил, что наступило время строить дом.

К строительству своей загородной резиденции он привлек лучших архитекторов города. Из двадцати проектов Гобетти остановился на том, который напоминал средневековый замок. И уже через полгода на совершенно диком месте возвышалась огромная цитадель.

В этом доме сам хозяин появлялся нечасто, только для деликатных встреч и для тайных свиданий с дамами. Однако, зная непредсказуемый характер дона, прислуга находи-

лась здесь круглосуточно – он мог появиться в своей загородной резиденции даже под утро. Персонал особняка состоял из людей, лично преданных дону, и Гобетти знал, что его небольшие шалости никогда не выйдут за пределы толстых крепостных стен. Луиджи Гобетти обычно принимал гостей в саду, стараясь поразить их развернувшейся внизу панорамой, где среди нагромождения скал можно было усмотреть тонюсенькую ленточку дороги. Когда ему удавалось произвести впечатление, то он бывал несказанно этому рад.

Несколько месяцев назад в летнюю резиденцию Гобетти пожаловал господин Степан Юрьев. В ЦРУ он был известен как наемный солдат, который побывал практически во всех частях земного шара, где силой оружия поддерживал законное правительство. Но о настоящем его ремесле – киллер высочайшего класса по прозвищу Сержант – знали очень немногие. В тот вечер дон Луиджи Гобетти не без сожаления отпустил от себя красивую мулатку, два часа удовольствия с которой обошлись ему в четыреста долларов, и, накинув на себя халат, повелел впустить русского господина. Ему не терпелось увидеть известного киллера, чьими услугами пользовались весьма уважаемые мафиози из дружественных кланов. Дон Гобетти предполагал увидеть колоритный экземпляр человеческой породы: эдакого мужика из Сибири, более восьми футов роста, с рыжей бородой, в которую он закутывается вместо шубы. Наверняка у себя в России он живет где-нибудь за Полярным кругом, в глубоких сугро-

бах, в обнимку с белыми медведями, и, развлекаясь, душит огромными ручищами трехтонных моржей. Наверняка, как и всякий русский, из напитков предпочитает водку и пьет ее даже тогда, когда хочет утолить жажду. Голос у господина Юрьева должен быть громовой, и когда он идет по тайге, ломая на своем пути молодые ели, и поет свои варварские песни, то птицы улетают прочь, а медведи разбегаются, опасаясь, что гигант способен проглотить их заживо.

Луиджи полагал, что этому русскому медведю из заснеженной Сибири совсем не нужен бронежилет, его кожа так крепка, что по своей прочности не уступает даже стали и пули отскакивают от него так же, как галька от танковой брони. Однако, к его глубочайшему изумлению, в комнату вошел совсем не гигант, а человек весьма неприметной наружности: среднего роста, правда, довольно крепкий, с выступающим брюшком и совсем не демонического вида. Выглядел он вполне миролюбиво и даже добродушно. Практически ничем не отличался от множества своих соотечественников, прогуливающих каждый вечер по набережной в надежде прокачать терпким йодом закопченные легкие. Всматриваясь в его полноватое лицо, очень напоминавшее Луиджи его родного дядю, невозможно было поверить, что этот человек зарабатывает на жизнь убийствами. И один его выстрел может стоить столько, сколько не получает за год иная голливудская знаменитость. Дон Гобетти даже не пытался скрыть любопытства и во все глаза разглядывал Юрьева. В русском

господине ему было интересно все: походка, которой он напоминал тяжелоатлета; мускулистые руки, умеющие палить из всех видов оружия; глаза, которые смотрели на редкость неподвижно, хотя при этом создавалось впечатление, что он контролировал даже малейшее движение пальцев. Гобетти с улыбкой подумал о том, что нужно показать свою лояльность русскому варвару, иначе, невзирая на присутствие расторопных телохранителей, он придушит его толстенными ручищами.

– У вас очень любезные слуги, – весело начал господин Юрьев. – Они отобрали у меня не только пистолет, но даже перочинный ножик.

– О! Они явно перестарались, – рассмеялся дон. – Если бы они знали, какого профессионала им приходится лицезреть, то не стали бы поступать подобным образом. Нам ведь прекрасно известно, что для вас не существует невыполнимого заказа.

– Однако вы обо мне осведомлены больше, чем я думал. Ну что ж, это даже лучше. В конце концов, такой оборот дела позволяет опустить некоторые условности. Признаюсь, если бы я пришел сюда за чьей-нибудь душой, то меня не остановили бы даже стены вокруг вашего замка. – При этих словах веселье в голосе киллера испарилось, уступив место полной серьезности.

– Не сомневаюсь, – сдержанно согласился Гобетти и посмотрел на застывшую в дверях охрану.

– Но разговор сейчас не об этом, – продолжал Юрьев. – Мне достоверно известно, что вам на пятки наступает русская мафия. По своей агрессивности она значительно превосходит первых сицилийских мафиози, что в течение одного поколения сумели завоевать всю Америку.

Дон Гобетти нахмурился:

– Это спорное утверждение.

– Тогда почему же вы уступили им самые прибыльные места в Монреале и Торонто? – напрямую спросил убийца.

Разговор принимал неприятный оборот, и Луиджи Гобетти поспешил напомнить русскому нахалу, что хозяин в этом доме все-таки он:

– В своих делах я разберусь сам, господин Юрьев, и, поверьте мне, я знаю, что делаю. Думаю, вы пришли не для того, чтобы упрекнуть меня. Прошу вас говорить о главном!

Сержант едва заметно улыбнулся:

– Узнаю делового человека. Что ж, мне это нравится. Буду с вами откровенен, за всеми вашими неудачами стоит один человек... Русский! Если вы не уберете его сегодня, то завтра будет уже поздно. Он станет полноправным хозяином Канады.

Луиджи невольно улыбнулся.

– Ваша информация устарела, любезный друг. Впрочем, хочу говорить с вами откровенно, мы приняли кое-какие меры. Вы ведь говорите о господине Севастьянове?

Гобетти источал радушие. И вообще выглядел как само-

влюбленный болван, что весьма не понравилось киллеру. По мнению Юрьева, его следовало опустить с небес на землю, и как можно скорее. Сержант отрицательно покачал головой:

– Совсем нет! Назар Севастьянов – всего лишь подставное лицо, он действует от имени совершенно другого человека.

– Вот как? Это очень любопытно, – не скрыв удивления Гобетти. – Для меня это полнейшая неожиданность... Кто же тогда, по-вашему, настоящий крестный отец русской мафии?

Юрьев оглянулся на стоящих за его спиной двух мужчин крупного роста, как будто опасался, что они могут подслушать тайну, и, убедившись, что они неподвижны, почти мертвы, глухо произнес:

– Это доктор Игнатов, управляющий фирмой «Интерком-модитис».

Луиджи Гобетти всегда гордился тем, что умел скрывать свои истинные чувства. И даже в минуту наивысшего раздражения он мог усыпить неприятеля изысканной учтивостью и любезной улыбкой. В этот раз он сполна использовал свое умение и расхохотался так громко, что вызвал недоумение у стоящих в дверях гранитоподобных детин, лица которых как будто бы раскололись в предупредительной улыбке.

– Вы хотите сказать, что доктор Игнатов и есть отец русской мафии?! – хохотал он все громче, пытаясь скрыть нарастающее смятение. – Не смешите меня!

– Вы напрасно относитесь к этому так легкомысленно, –

вежливо заметил Юрьев, с презрением наблюдая за странным поведением собеседника. – Повторяю, если вы не остановите его сегодня, то уже завтра он вытряхнет вас из собственного халата.

Луиджи продолжал хохотать, хотя смех его был уже не столь оптимистичен, – еще минута подобного веселья, и оно перерастет в истерику. Дон Гобетти умел не только громко смеяться, но и знал, когда следует вовремя остановиться. Смех умолк так же неожиданно, как и возник.

– Он производит такое благоприятное впечатление.

Сержант невольно хмыкнул:

– Да, он очень мил.

– У вас есть какие-то доказательства? – спросил Гобетти и напрягся в ожидании ответа.

На губах Сержанта мелькнула злая улыбка:

– Скажите мне, уважаемый дон Гобетти, разве я произвожу впечатление несерьезного человека?

– О! Что вы?! Как раз наоборот! Я слышал о вас как о человеке, с которым стоит иметь дело.

Сержант удовлетворенно кивнул:

– Ну, вот видите! А доктора Игнатова я знаю уже очень давно... Правда, под другой фамилией!

– Очень интересно!

– В России он был одним из лидеров уголовного мира. Вы извините меня, дон Гобетти, но его слова в Москве значили гораздо больше, чем ваши в Нью-Йорке... – пояснил киллер.

– Хм.

– ...Еще я вам могу сказать, что это очень умный человек, он ничего не делает просто так и каждый свой шаг просчитывает с точностью компьютера. И если он приехал в Америку, то уж совсем не для того, чтобы заниматься пустяками. Его нужно убрать, и сделать это следует как можно незаметнее.

Дон Луиджи Гобетти достал коробку с сигарами и закурил, разглядывая через серый клубящийся дым белоснежный потолок. Сполна насладившись ароматом, он заговорил размеренно и веско:

– Вы действительно тот человек, который внушает уважение.

Сержант невольно хмыкнул:

– Очень надеюсь на это.

Улыбнувшись, дон Гобетти подумал о том, как часто приходится расставаться со сложившимися стереотипами. Всего лишь час назад он считал, что порог его дома перешагнет высоченный монстр с одним желанием – сокрушать все живое. А вместо этого в комнату вошел думающий собеседник, способный не только расположить к себе, но и дать весьма толковый совет.

– Но, насколько мне известно, сейчас он находится в исправительном центре.

– Несколько часов назад его выпустили под залог!

По лицу Гобетти пробежала растерянность:

– Ах, вот оно что.

– Вы не так близоруки, как показалось мне в самом начале. А может быть, вы просто чрезвычайно хитры? – в свою очередь расхохотался Сержант.

Гобетти пришла в голову невеселая мысль, что известный киллер способен рассмеяться даже над остывающим трупом. Брр! Все-таки этот русский – ужасный человек. Дон невольно поежился, подумав о том, как Сержант, производя контрольный выстрел, заглядывает в лицо обреченному. Луиджи сделалось холодно, как будто через распахнутое окно ворвался ледяной ветер и остудил все живое. Гангстер в раздражении бросил недокуренную сигару. Неожидаанные откровения Юрьева высветили многие темные стороны в общении с господином Севастьяновым. После каждой встречи всегда чувствовалась какая-то недоговоренность. Русский коллега никогда не спешил давать определенного ответа, всегда ссылаясь на то, что ему следовало бы подумать, и только при следующей встрече говорил по существу дела. Конечно, Гобетти следовало бы догадаться обо всем пораньше. Теперь вскрывается причина самоуверенности господина Севастьянова – за ним маячила могучая фигура крестного отца русской мафии с его колоссальными финансовыми возможностями.

– Я вас отлично понял, у меня нет никаких оснований, чтобы подвергать ваши слова сомнениям. Но какой ваш интерес во всем этом деле? – спросил Гобетти.

Сержант хищно улыбнулся, показав крупные желтоватые

зубы, и объяснил:

– Удовлетворение от того, что господина Игнатова больше не станет... В России его больше знают как Варяга... Это долго объяснять, но у меня к нему имеются личные счеты. Прошу вас помнить, что он очень опасный человек и все недоразумения, которые возникают в вашем бизнесе, не обходятся без его непосредственного участия.

Дон Гобетти теперь прекрасно понимал, почему при встречах доктор Игнатов был столь учтив. Его вежливость была сродни иронии: он знал о Гобетти все, зато тот не мог похвастаться тем же самым. И если бы не появление мистера Юрьева, пролившего свет на это обстоятельство, то он до сих пор продолжал бы пребывать в глуповатом неведении. Впрочем, от господина Игнатова при каждой встрече веяло какой-то смутной опасностью. Угроза сквозила даже в его радушной белозубой улыбке, ощущалась в открытых голубоватых глазах. Чем-то он напоминал акулу – вроде бы красивая и стремительная, но одновременно очень хитрая и коварная. Проглотит с потрохами, даже не поморщившись. Дон Гобетти, наконец разобравшись в собственных ощущениях, негромко полюбопытствовал:

– Что вы еще можете о нем рассказать?

Вопрос был уместен – о противниках нужно знать как можно больше. Сержант понимающе кивнул и сказал:

– Почти половину своей жизни он провел в заключении. Тюремь России – не ваши исправительные учреждения, ко-

которые больше напоминают пансионаты. Это – настоящие тюрьмы! Именно там он получил главное свое образование. В русских лагерях и тюрьмах он пользуется огромным авторитетом. Достаточно лишь одного его слова, чтобы поднять восстание заключенных от Урала до Магадана. Это очень волевой человек и сильный вор! Он не промотал мозги даже после того, как вышел на волю... А такое случается со многими. Варяг поменял имя, сумел изменить внешность, стал вести совершенно другой образ жизни. А через несколько лет добился невиданных успехов. Он очень осторожный и умный человек и практически не делает никаких промахов. Но я глубоко убежден, что за ним стоят какие-то очень крупные люди, вращающиеся в очень высоких кругах. Я даже не исключаю, что это какие-то весьма влиятельные политики.

Дон Гобетти поежился.

– Хорошо... Я приму меры, как только он вернется, – неуверенно сказал он.

– Вы правильно меня поняли, дон Гобетти. Но я бы хотел устранить его значительно раньше. Еще до того, как он возвратится в Канаду, – живо откликнулся киллер.

– Так в чем же дело? Устраняйте! – с энтузиазмом кивнул дон.

– Мне потребуется ваша помощь.

Всем нужна помощь дона Гобетти, даже этому русскому киллеру.

– Какая именно? – поинтересовался Луиджи.

– Мне нужен человек, который безоговорочно подчинялся бы мне. И в то же время он должен быть настоящим профессионалом. У вас имеется такой человек? – Юрьев в упор взглянул на собеседника.

– Мне надо подумать... – Гобетти слегка потер подбородок холеной ладошкой. – Когда вы хотите приступить?

– Завтра!

После некоторой паузы Гобетти произнес:

– У меня есть такой человек. Он полностью поступает в ваше распоряжение.

– Благодарю вас, дон Гобетти, – слегка улыбнулся Юрьев.

Луиджи Гобетти вновь подумал о том, что господин Юрьев больше напоминает владельца булочной, чем многоопытного киллера.

У самого порога Сержант обернулся:

– Дон Гобетти, а ведь за вами один небольшой должок.

– Вот как? – удивленно подпрыгнули брови Гобетти. – В таких вопросах я очень щепетилен и не люблю ходить в должниках. И что же я вам должен? – заинтересовался дон.

– Дело в том, что я несколько раз выполнял вашу работу, – сообщил киллер.

– Продолжайте, это очень интересно.

– Мне пришлось уничтожить шесть человек, которых мистер Игнатов отправил на завоевание новых рынков, – открылся Сержант.

– Что ж, мистер Юрьев, когда-нибудь я попытаюсь вас

отблагодарить. Для нас, сицилийцев, это дело чести, – произнес Луиджи Гобетти. При этом тепло, исходившее от его улыбки, с успехом соперничало с южным солнцем. – Кажется, вы скоро уезжаете в Россию?

Сержант ответил не сразу. Откуда ему это известно? С этим господином следует держать ухо востро!

– Да. Сразу, как только уберу мистера Игнатова, – с некоторой заминкой откликнулся Юрьев.

* * *

Поль Ласарильо был одним из доверенных людей Луиджи Гобетти. Через несколько лет он должен был бы стать «солдатом» и взять под свое начало с десятков безропотных подчиненных. В структуре мафии это было весьма высокое положение, ибо подобной чести удостоивается далеко не каждый. А там он сможет устроить детей в престижный колледж, и вообще перед ним откроются совсем другие перспективы.

Выглядел Поль Ласарильо весьма молодо. Трудно было поверить, что он уже давно перешагнул рубеж четвертого десятка и имеет троих детей, старшему из которых в прошлом году исполнилось двадцать лет. На первый взгляд Полю можно было дать не более двадцати восьми – тридцати лет: был он длинноног и сухощав, как чистокровная борзая; имел густую шевелюру; изящные тонкие черты лица придавали породистость, и единственное, что его портило, так это поло-

манные уши – свидетели его бурной молодости. Прежде чем начать свою карьеру мафиози, он был профессиональным борцом. Уже в восемнадцать лет заявил о себе как об одном из самых перспективных спортсменов. Вокруг боксерского ковра всегда вертелись мафиози, которые чувствовали запах больших денег так же остро, как мухи тление разлагающейся плоти. Они брали под свое покровительство наиболее одаренных парней, а по завершении их карьеры устраивали вышибалами в бары. Профессиональные спортсмены брались за любую работу, будь то галантное ухаживание за овдовевшей миллионершей или проламывание черепа оступившемуся коллеге. Со временем многие из бывших спортсменов сумели занять в руководстве кланов ведущие позиции, и на встречах семей они сталкивались уже не как бывшие соперники в спорте, а как союзники в криминальном бизнесе.

В тот день у Поля Ласарильо были собственные планы: он собирался сходить с сыновьями на хоккей. Однако ему позвонил Гобетти и назначил встречу, а с желанием дона приходилось считаться.

Ровно в восемь вечера Ласарильо был в его загородном замке. Предложив устраиваться в кресле напротив себя, дон Гобетти деликатно поинтересовался:

– Тебе нравится у меня работать?

Ах, уж все эти итальянские причуды! При каждой встрече приходится доказывать свою преданность и объяснять, что тебе невыносимо приятно вышибать из кого-то мозги! Впро-

чем, к этому Поль Ласарильо начинал понемногу привыкать.

– Дон Гобетти, вы хотите обидеть меня? – искренне возмутился Поль Ласарильо. – Если бы не ваша постоянная забота, так я бы до сих пор шастал неприкаянным от бара к бару. Вы мне дали работу, защиту, приблизили к себе. Я сделался своим человеком в клане. Все, что я имею сейчас, все благодаря исключительно вашей поддержке, – голос у Поля прозвучал твердо, а стальные интонации даже на секунду не позволили усомниться в искренности его слов. Дон удовлетворенно прикрыл глаза.

– Поль, ты же знаешь, как я ценю тебя. Побольше бы таких людей, как ты. Мне с ними не страшно будет отправиться даже в ад! Хотя с этим делом стоит немного повременить, – добавил он через паузу. – Ты случайно не слышал о человеке по фамилии Юрьев? Он больше известен как Сержант.

– Мой бизнес, дон Гобетти, не адвокатская практика... Но я всегда интересуюсь своими коллегами. Насколько мне известно, Сержант, кажется, самый высокооплачиваемый киллер в Соединенных Штатах, – вежливо отозвался Ласарильо.

– Хм... Верно. Что ты еще о нем знаешь?

– Мне известно еще и то, что он русский и не существует заказа, которого бы он не выполнил, – доложил Поль.

– Все верно. Вижу, что ты владеешь информацией. А ты бы хотел познакомиться с ним лично? – почти весело поинтересовался Луиджи Гобетти.

Глаза Ласарильо удивленно расширились:

– Это как?

Дон Гобетти весело расхохотался, поняв, чего испугался его подчиненный:

– Ха-ха-ха! Это совсем не то, что ты думаешь! Скажем так, встретиться с этим человеком?

Ласарильо хотел ответить, что это не самое благодарное занятие – дергать за хвост задремавшего тигра, но постарался угодить своим ответом боссу:

– Разумеется, дон Гобетти!

В этот раз Поль Ласарильо не сумел удержаться от лукавой улыбки, которая больше напоминала ухмылку многоопытного жениха, готового променять предстоящее венчание на многообещающее подмигивание ядреной вдовы. Была бы его воля, так он не знал бы этого русского вообще, но не считаться с желанием дона Гобетти было бы просто глупо.

– Хотел бы поработать с ним в паре?

Цепкий взгляд Гобетти застыл на лице Поля с напускной невозмутимостью. Он сумел отыскать некоторые признаки волнения своего пехотинца и удовлетворенно улыбнулся.

– Дон Гобетти, я посчитал бы это за великую честь. А потом для меня это было бы очень хорошей школой. У этого русского парня есть чему поучиться! – Ласарильо явно переигрывал в своем желании угодить боссу.

Однако дона было не так-то просто обмануть. Луиджи Гобетти на секунду застыл, как будто бы пытался уловить своим абсолютным слухом в плавной и слегка тягучей речи Ла-

сарильо нотки ядовитой иронии. А когда наконец убедился, что вся партия была проговорена без единой фальшивой нотки, дружески улыбнулся:

– Я знал, что ты мне не откажешь, – и он дружески хлопал Поля по колену. – Знаешь что, я ведь думаю о твоей будущей карьере. Такому честолюбивому человеку, как ты, наверняка не очень приятно ходить под началом каких-то молокососов, которые младше тебя лет на десять, а то и на пятнадцать! – Гобетти искренне сочувствовал Полю.

Впервые за время долгого разговора брови киллера недовольно сошлись на переносице – босс с точностью профессионального боксера ударил в самое больное место.

– Но что поделаешь, Поль, таковы традиции нашего народа. Мы всегда жили кланами. И это правильно! Где же еще искать поддержку, как не в лице сородичей? Даже здесь, в свободной стране, мы нуждаемся в плече друг друга. И поэтому вынуждены считаться с волей родственников...

– Я ни о чем не прошу, дон Гобетти, – поспешил заметить Ласарильо.

– ...Пойми меня правильно, Поль, я ни в коем случае не хочу сказать, что ты чужой нам, – мягко продолжал Гобетти. – Наоборот, мы с радостью приняли тебя в свою семью, но существуют некоторые условности, с которыми всем нам нужно считаться.

– Все это мне известно, дон Гобетти. Я знаю, что мне никогда не суждено войти в руководство клана, – попытался

показать свое безразличие киллер.

– Здесь я хочу с тобой поспорить... Я обязан по заслугам оценить твою преданность. Как только ты выполнишь мою просьбу, так я сразу сделаю тебя представителем своей семьи в Чикаго... У тебя подрастают двое сыновей и дочь. А сколько же сейчас Валерио?

– Ему двадцать лет, дон Гобетти, – скромно отвечал Поль.

– Боже мой, как идет время! Я ведь знал его совсем мальчишкой! Я должен помочь тебе обеспечить им будущее. Твое жалованье с сегодняшнего дня я увеличиваю в два раза!

– Я благодарен вам за это, дон Гобетти, – искренне отвечал Поль, слегка поклонившись.

Трудно было сказать, какие чувства испытал Поль Ласарильо. С одной стороны – это действительно было повышение, с другой – появляться в Чикаго от имени дона Гобетти было куда опаснее, чем совершать праздные прогулки в полночь по африканской саванне. Главная проблема заключалась в том, что практически все доходные места там уже были поделены между сицилийской, еврейской и китайской мафиями, и на сегодняшний день невозможно было пройти по тротуару, чтобы не задеть интересы того или иного клана. С нахалами разделялись беспощадно: закатывали в асфальт, хоронили на свалках, топили в озере. И то, что дон Гобетти хотел представить как огромную честь, на самом деле следовало воспринимать как великую немилость.

За жалкую надбавку к жалованью Поль Ласарильо отправ-

лялся на убой! Вот она – плата за верную службу. Чтобы утвердиться на чикагских просторах, следовало перестрелять добрую половину всех мафиози! Но на такой подвиг не отважился бы даже легендарный Аль Капоне.

Тем не менее Поль Ласарильо решил до конца сыграть роль безропотного солдата. Отказываться пока не стоит, посмотрим, как там будет еще складываться. А между тем Гобетти продолжал, пробуя силу своих голосовых связок:

– С сегодняшнего дня ты поступаешь в распоряжение Сержанта. Его приказы тебе следует выполнять так же неукоснительно, как мои собственные.

– В чем будет заключаться моя работа? – полюбопытствовал Ласарильо.

– Нужно устранить господина Игнатова! – дон смотрел прямо в глаза киллера.

– Игнатов? – удивился Поль. – Это случайно не управляющий фирмой «Интеркоммодитис»? Ведь у него есть собственный банк.

– Совершенно верно, – кивнул Гобетти. – Позволь узнать, откуда у тебя такая осведомленность? – настороженно спросил он через секунду.

– Все очень просто, – улыбнулся Ласарильо, – просто мы с женой держим деньги в его банке. Нас уверили, что он чрезвычайно надежен. А потом, они дают весьма неплохие проценты.

– Ах, вот оно что! Советую перевести свои сбережения в

другой банк. После смерти доктора Игнатова этот банк лопнет!

– Я непременно последую вашему совету, дон Гобетти, – легко согласился Поль, сожалея о возможной утрате высоких процентов. – Можно задать вам один вопрос?

– Задавай, – великодушно разрешил дон.

– В чем он провинился?

– Хм, – дон Гобетти удивило здоровое нахальство Поля Ласарильо. Хотя кто знает, может быть, именно таким и должен быть представитель семьи в Чикаго. – Он представляет угрозу нашему бизнесу, этого вполне достаточно.

– Я сделаю все, что в моих силах.

– И еще вот что, – Гобетти выглядел слегка озабоченным. – Когда расправишься с Игнатовым, не забудь разделаться и с Сержантом. Не удивляйся, так надо.

– Я все понимаю, дон Гобетти.

Глава 5

ОТПУЩЕН ПОД ЗАЛОГ

Варяга отпустили под залог. Причем сделано это было настолько быстро, что потом еще долгое время пресса перевидала информацию об этом на все лады. Впрочем, продолжалось это недолго, и вскоре журналисты вновь обратили свои хищные взоры на события текущей жизни Штатов.

Первым делом Владислав решил встретиться с Сивым. После длительного пребывания в тюрьме, находясь в изоляции от мира, Варяг, как только его освободили, словно рыба, пойманная рыбаками, а потом снова отпущенная в воду, старался насытиться сладостным ощущением свободы. Он хотел быть в курсе всего, что происходит вокруг, и как можно скорее. А Сивый, как никто другой, мог помочь достичь этой цели.

Народу в кафе было немного: несколько скучающих молодых людей и, что самое главное — ни одного заинтересованного взгляда.

— Значит, теперь ты на воле? — все еще не верил в благополучный исход Сивый.

— Я не на воле. Меня отпустили под залог, — спокойно возразил Варяг.

— А разве это не одно и то же? — искренне удивился Сивый. — Ты же можешь сейчас не возвращаться в здание су-

да. Документы мы тебе подготовим куда лучше настоящих, и ближайшим же самолетом ты вылетишь в Москву!

Владислав отрицательно покачал головой:

– Нет, не могу. Я связан словом!

Сивый неожиданно вспылил:

– Да какое, к черту, слово, когда на карту поставлено нечто большее!

Варяг задержал тяжелый взгляд на Сивом и, когда тот присмирел, будто дворовый щенок под взглядом бойцовского пса, негромко, но очень жестко проговорил:

– Так надо!

Сивый слегка обиделся, но старался этого не показывать. Конечно, Варяг – это величина. Кто с этим будет спорить. Но мог бы произнести как-нибудь помягче.

– Хорошо, – безразлично пожал Сивый плечами, – я ни о чем не спрашиваю.

– Вырваться куда-то из города мне будет очень трудно... Свяжешься с Ангелом, передашь ему, чтобы проконтролировал ситуацию вокруг судостроительного завода и сталелитейного. Они не должны проплыть мимо нас. Если потребуются, пускай выезжает в Питер.

– Понял, – слегка отхлебнул глоток кофе Сивый. – Там поднимается какая-то нехорошая шумиха.

– Мне это как раз и не нравится, – охотно согласился Владислав. – Нам было обещано, что заводы отойдут в пользу общака. Уже проплачены немалые деньги, но кто-то очень

серьезно пытается нам помешать. Нужно выяснить, что это за люди!

– Хорошо, – кивнул Сивый, – все это я попробую выяснить.

– Это нужно будет сделать сегодня, – добавил Варяг.

– Сделаю! – пообещал Сивый.

Дверь неслышно открылась, и в бар вошел мужчина лет сорока пяти, неприметной наружности. Невидящим взглядом он скользнул по присутствующим и на мгновение остановился лишь на Варяге, а потом беззаботным шагом направился к стойке. Заказав маленькую чашку кофе, мужчина сел через столик и, поглядывая в окно, принялся отпивать напиток крошечными глотками.

– Вот это один из моих топтунов, – проговорил Варяг, показав глазами в сторону сидящего мужчины. – Только не надо так усиленно его разглядывать... За дверью находится еще один, повыше ростом, но такой же невзрачный! Постарайся запомнить их, чтобы в случае чего опознать в толпе. Они вчера целый день ходили за мной. Попытался от них оторваться, не получилось! У меня такое впечатление, что они целые сутки дежурят около моей гостиницы. Так что, если заметишь за собой слежку, не удивляйся, но по-другому я тоже не мог поступить, мне нужно было встретиться с тобой.

– А может, тебе уйти из гостиницы? – осторожно спросил Сивый.

Варяг отрицательно покачал головой:

– Не пройдет. Это одно из решений суда, я постоянно должен находиться в гостинице, которую они мне рекомендовали. Подозреваю, что комнаты там просто напичканы подслушивающими устройствами. Поэтому звонить мне в гостиницу совсем не обязательно.

– Понял.

– Где сейчас Света? – неожиданно спросил Владислав.

– Она в Торонто, – отвечал Сивый. – Мы сняли для нее один крепкий дом, и она все время находится под наблюдением наших людей.

– Хорошо... После того как переговоришь с Ангелом, сразу поезжай в Торонто. Ты там будешь нужнее. У меня дурное предчувствие, мне кажется, что Луиджи Гобетти уже знает, где находится Светлана, – поделился своим беспокойством Владислав.

– Сделаю, как скажешь, Варяг.

– Ну, а сейчас расходимся. – И, не допив кофе, Варяг поднялся.

* * *

В своих расчетах Сержант не ошибся. Сразу после решения суда Владислав Игнатов отбыл в гостиницу. Несмотря на крупный залог, по существу, он находился под домашним арестом: ему не разрешалось выезжать за пределы города, в гостинице он обязан был появляться не позже десяти часов

вечера и являться в полицию по первому же требованию.

В гостиницу Варяг прибыл не один, а в сопровождении шести высоких молодцов, которые недоверчивыми долгими взглядами всматривались в каждого встречного. И успокаивались лишь тогда, когда постоялец скрывался в своей комнате. Поль Ласарильо предполагал, что в окружении русского дона находится осведомитель Сержанта. Причем из самого ближайшего окружения. Иначе откуда русскому киллеру известно время, когда Варяг подъедет к подъезду гостиницы на своем шикарном «Мерседесе».

Наблюдая со стороны за Варягом, Ласарильо подумал о том, что лучшего времени для его устранения не придумаешь. Сейчас Владислав Игнатов своей беззащитностью напоминал муравья, ползущего по пешеходной дорожке: требовался всего лишь миг, чтобы размазать всемогущего дона на сером асфальте. Неторопливым шагом, как будто за плечами у него был ворох выполненных дел, а впереди ожидала вечность, господин Игнатов направился в гостиницу. Его спину плотным заслоном скрывало двое молодцов. Теперь уже не пробить! Поль сунул руку в карман. Чуткие пальцы уперлись в прохладную ручку «нагана». Один меткий выстрел мог бы значительно улучшить его материальное состояние, превратив его из рядового киллера в весьма обеспеченного человека. К черту! Он вытащил «наган» и спрятал его под сиденье автомобиля. Поль посмотрел на часы. Доктору Игнатову потребуется не менее получаса, чтобы подняться в свой номер,

выставить охрану на этажах и выпить маленькую чашку кофе. Поль Ласарильо решил немного подождать. Номер русского дона находился на десятом этаже, чтобы пальнуть в его окно, следовало, по крайней мере, нанять вертолет.хлопот-но, а потом привлечет внимание окружающих.

Ласарильо не без интереса наблюдал, как в сопровождении кавалеров в гостиницу входили русские проститутки. Ему было известно, что это путаны очень высокого класса, и он не без сожаления думал о том, что у него совсем не останется времени, чтобы убедиться в их исключительном профессионализме. Поль Ласарильо вновь взглянул на часы – прошло ровно тридцать минут. За это время он успел выкурить три сигареты, последняя оказалась самой сладкой. Он все еще не решался выбросить ее, хотя огненный кружок упрямо подбирался к самым пальцам и грозился пребольно ужалить. Смахнув с рукава упавший пепел, Ласарильо решительно выбросил окурочок в открытое окно и, поставив машину на сигнализацию, направился к гостинице. У входа его встретил унылый швейцар в богатой ливрее. Но стоило Полю протянуть ему хрустящую бумажку, как тот мгновенно превратился в образец обаяния и широко, с довольной улыбкой, распахнул перед ним дверь. Восемь этажей Поль проехал на лифте, два оставшихся решил преодолеть пешком.

Как и предполагал Сержант, в коридоре размещалась охрана. Он спиной чувствовал настороженные взгляды, ощущение было не из приятных, – полное впечатление того,

что шагаешь строевым шагом под пристальным вниманием снайперов, вооруженных винтовками с оптическим прицелом. Поль Ласарильо поднялся на десятый этаж. Он хорошо представлял, где находится номер доктора Игнатова, – у запасного выхода, в котором он мог всегда скрыться при малейшем сигнале опасности. Заглянув в коридор, он увидел, что у дверей в номер русского дона стоит охрана из четырех человек. Парни держались настороженно, но в то же время очень спокойно. Оружие с первого взгляда не заметно, но не исключено, что его умело прятали. А вот пиджаки расстегнуты – весьма тревожный симптом! Профессионалы хреновы! Сержант советовал не делать резких движений, и Поль Ласарильо благоразумно вытащил руки из карманов, тем самым стараясь показать свою лояльность. Он даже улыбнулся сидящему в холле человеку и, получив в ответ казенную улыбку, проговорил:

– Мне бы хотелось увидеть доктора Игнатова.

Любезность застыла на лице телохранителей каменной маской, а потом русский мистер на хорошем английском поинтересовался:

– Зачем вам нужен господин Игнатов?

– Я бы хотел сказать ему об этом лично.

Парни переглянулись. После чего один из них произнес:

– Хорошо. Обождите здесь.

Телохранитель явился минуты через две и ровным, бесстрастным голосом произнес:

– Мистер Игнатов ждет вас. Только прошу прощения, нам следует сделать осмотр. – И, не спрашивая разрешения, быстро провел ладонями по бокам Поля, прохлопал по ногам. Потом любезно, с улыбкой, попросил: – Поднимите, пожалуйста, руки.

Когда Поль выполнил его просьбу, охранник так же профессионально проверил под мышками.

– Следуйте за мной, – негромко произнес он и, не оглядываясь, направился к номеру господина Игнатова.

Распахнув дверь без стука, телохранитель вошел в номер, который, к удивлению Поля Ласарильо, оказался довольно тесным. Он даже испытал легкое разочарование – у русского дона номер мог быть и покомфортабельнее. Мистер Игнатов не сделал навстречу даже шагу, наоборот, руки, безвольно свисавшие вдоль тела, вдруг неожиданно спрятались за спину.

– Чем могу быть полезен?

– Вашей семье угрожает опасность, господин Игнатов! – несколько более нервно, чем следовало бы, произнес Поль Ласарильо.

Страшную новость Игнатов встретил на удивление спокойно. Лицо его будто бы застыло, превратившись в непроницаемую маску. А вот руки вдруг пришли в движение, сцепившись в крепкий замок.

– С чего вы взяли? – свое волнение Игнатов не выдал даже голосом, как если бы новость не касалась его вовсе. Весьма

крепкий тип!

– Я служу у господина Луиджи Гобетти. Он распорядился выкрасть вашу семью, если вы сегодня... Если вы сейчас не перевезете ее на новое место, то уже завтра будет поздно!

– Как вас зовут?

– Поль Ласарильо, – несколько смущенно отвечал гангстер.

Варяг достал мобильный телефон и набрал номер.

– Послушай, у нас есть что-нибудь на Поля Ласарильо. Да... Он говорит, что он и есть тот самый Ласарильо... Его досье мне ни к чему, а вот фотографию можно.

Отключив телефон, господин Игнатов сунул его в карман и любезно, насколько было возможно в подобной ситуации, произнес:

– Надеюсь, вы никуда не торопитесь?

– Собственно... нет.

– Вот и отлично! Давайте подождем несколько минут.

Очень скоро бесшумно возник тот самый человек, который проводил его в номер, и протянул две фотографии и так же неслышно исчез. Варяг изучал их не более минуты, а потом, безразлично бросив на стол, спросил, умело скрывая волнение:

– Так когда их должны увезти?

– Сегодня. – Ласарильо посмотрел на часы и добавил: – Если вы сейчас отправитесь в Торонто ближайшим рейсом, то еще успеете их спасти!

– А зачем вы пришли ко мне? Что для вас семья какого-то русского? – задал неожиданный вопрос господин Игнатов.

Станным было то, что он как будто бы не торопился, словно ожидал чего-то.

– Мне неудобно об этом говорить, но я не бескорыстно... Поймите меня правильно, у меня большая семья... – начал было киллер.

– И во сколько же вы оцениваете свою услугу? – перебил его Варяг.

– Меня устроили бы... пятьдесят тысяч долларов! – с некоторой заминкой признался Ласарильо.

– Хорошо, считайте, что вы их получили, – неожиданно быстро согласился господин Игнатов. – Но произойдет это только после того, как моя семья будет в безопасности. А сейчас вы пойдете со мной!

– Мы так не договаривались! – испугался Поль.
Варяг усмехнулся:

– Мы с вами вообще ни о чем не договаривались!

Он снова вытащил телефон, привычно набрал номер и негромко спросил:

– Он уже на месте?.. Отлично! Тогда мы выходим, действуем по утвержденному плану. Вот и лады! – И, повернувшись к Полю, произнес: – А теперь пойдете, господин Ласарильо!

Местом для своего наблюдательного пункта Сержант выбрал строительную площадку, расположенную как раз напротив гостиницы. Из кабины подъемного крана, куда ему удалось забраться, хорошо просматривался выход. Сержант нервничал – прошло уже около часа, а Поль Ласарильо не появлялся, и Юрьев не без раздражения думал, уж не поселился ли его приятель в гостиничном номере. И когда он, почти потеряв терпение, готов был отложить свой план до более удобного случая, дверь распахнулась и на тротуар вышли Поль Ласарильо и Варяг в окружении телохранителей. Через оптический прицел Сержанту удалось рассмотреть, что за последние годы Владислав немного осунулся, но походка по-прежнему легкая, жесты уверенные, хозяйские, даже манера смотреть осталась прежней – осторожная, нервная, такая бывает только у эков, которые многие годы провели за колючей проволокой. Варяг даже не подозревал, что движется навстречу смерти, и Сержанту доставляло большое удовольствие наблюдать за последними земными шагами своего врага. Немного поодаль, плечом к плечу, двигались шесть телохранителей Варяга, но Сержант понимал, что они ему не помеха, – первым же выстрелом он заставит законного вора приглубить землю раскинутыми руками.

Сержант посмотрел вниз – вокруг было тихо, а пустынь

ная стройка напоминала руины исчезнувшей цивилизации. Жить Владиславу Геннадьевичу оставалось не более минуты. В перекрестье оптического прицела он вновь увидел Варяга. Сейчас он наслаждался своей властью над ним, и это чувство напоминало ему детское ощущение вседозволенности, когда в его воле было оторвать у пойманной мухи крылья или отпустить насекомое на свободу. Он был уверен, что до конца жизни будет вспоминать последние шаги Варяга, а потому старался запечатлеть в своей памяти каждое его движение.

Неожиданно Варяг отпрыгнул в сторону, и в это же мгновение у самого уха Сержанта тонко и злобно дзинькнула пуля. Разбив стекло, свинец расплющился о металлическую стену кабины. Сержант понял: Варягу в который раз удалось перехитрить его: спрятавшись за огромный грузовик, он стал недосягаемым для снайперской винтовки Сержанта.

Юрьев видел, как Поль Ласарильо нелепо застыл посреди тротуара и стал озираться по сторонам. Следующая пуля пролетела совсем близко. Сержант ощутил у виска ее горячее и опасное дыхание. И если бы мгновение назад он не переместился бы чуточку в сторону, то затылок его брызнул бы на спину осколками черепа. Сержанту потребовалось мгновение, чтобы определить, в каком именно окне засел снайпер. Это был тот же самый этаж, на котором проживал Варяг, только противоположное крыло. А оттуда видны не только подступы к гостинице, но и строительная площадка. Сер-

жант потратил всего лишь сотую долю секунды, чтобы навести винтовку на возникшую цель, рассмотреть через оптический прицел невозмутимый взгляд снайпера, а затем плавно, не позабыв затаить дыхание, надавить на курок. Он увидел, как стрелявший вздрогнул всем телом, а из широких ослабевших ладоней вывалилась винтовка. Падая, парень опрокинул вскинутой ладонью стоящую на подоконнике узкую вазу с ярко-красными тюльпанами и пропал где-то в глубине комнаты. Второй выстрел достался Полю. Бывший телохранитель дона Луиджи Гобетти прижал руки к левой стороне груди, куда вошла пуля, как будто хотел вырвать ее, а потом, сделав последний шаг в своей жизни, упал.

* * *

– Право, ты меня удивляешь, – невольно воскликнул Гобетти. – Мне казалось, что большего циника, чем ты, мне встречать не приходилось.

Джованни нахмурился:

– Возможно... Но все это было до встречи с русской! Поверь, она необыкновенная женщина!

Луиджи Гобетти неприязненно поморщился:

– Я тебя не узнаю! Ты хочешь сказать, что она как-то особенному устроена? Пойми, в ней нет ничего особенного. Достаточно только переспать с ней, и ты в этом убедишься сам!

Джованни Орси вспыхнул:

– Мне не до твоих дурацких шуток!

– А я и не шучу. Проверено! Женщина притягательна тогда, когда она недоступна, а как только она становится твоей, вместе с платьем с нее слетают и крылышки. Что я тебе и советую. Чем раньше ты залезешь к этой русской под юбку, тем быстрее избавишься от нелепых иллюзий. Кстати, когда ты встречаешься с ней в следующий раз?

Луиджи Гобетти выглядел беспечным. Подозвав к себе огромного мраморного дога, он потрепал его по лоснящейся холке. Псу ласка понравилась – длинный хвост закачался из стороны в сторону, а с черных брылей на ковер потекла обильная слюна.

– Теперь это только мое дело, – твердо произнес Джованни, ткнув себя пальцем в грудь. Улыбнувшись, Гобетти сделал вид, что ничего не произошло. Последний, кто с ним разговаривал в таком тоне, был отец, да и то в далеком детстве. Джованни поступал рискованно и не мог не знать, что другой на его месте запросто лишился бы головы. Ладно, потерпим. Все-таки его отец великий Джанни Орси.

– Хочу тебе напомнить, что ты член семьи...

– У меня своя семья. И я тебе ничего не должен, – отрезал Джованни.

– Хм... Вот как ты заговорил.

– Но я пришел к тебе не для этого, – голос Джованни Орси был тверд.

– Для чего же тогда, говори, – потребовал Гобетти.

– Я хочу, чтобы ты оставил эту русскую!

Рука Гобетти вцепилась в загривок дога, и пес протестующе рывкнул. Осознав свою ошибку, Гобетти слегка потрепал его по шее и вновь обратился к Орси:

– Не ожидал... Значит, ты согласен поссориться со мной из-за какой-то русской? Так вот что я тебе отвечу: она меня не интересует... Мне нужен мистер Игнатов! И обещать я тебе ничего не могу.

– Жаль, что мы с тобой не договорились. – Джованни поднялся.

Дон Гобетти был воплощением любезности:

– Джованни, ты даже представить себе не можешь, как я об этом сожалею.

У дверей стояла охрана – два высоких парня в черных костюмах едва ли не упирались макушками в потолок. Вот такой он человек, дон Гобетти, – ни войти без его разрешения, ни тем более выйти.

– С дороги! – жестко потребовал Джованни Орси, стиснув челюсти.

Охрана не пошевелилась.

– Я сказал: прочь! – угрожающе сделал он еще один шаг, сжимая кулаки.

Гобетти усмехнулся. Все эти господа Орси такие же горячие, как полуденное сицилийское солнце.

– Пусть идет, – великодушно распорядился Луиджи.

Парни отошли от дверей. Приоткрыв занавеску, дон с любопытством наблюдал за тем, как Джованни Орси быстро спустился с крыльца. Зло распахнул дверцу своего «Мерседеса» и буквально рванул с места, заставляя охранников поспешно отскакивать в сторону. Гобетти усмехнулся и, повернувшись к начальнику охраны, коренному сицилийцу Винченцо Гобетти, сдержанно заметил:

– Что-то господин Орси разнервничался... Не отпускать его ни на шаг. Сейчас он наверняка захочет связаться со своей русской подругой. Как только они встретятся, взять их и привезти в замок.

– Здесь имеется некоторая сложность. За ней постоянно ходит телохранитель... – осторожно заметил Винченцо.

Дон Гобетти неожиданно вспылил:

– Мне что, учить вас, как это делается?!

– Я все понял, – смущенно склонился начальник охраны.

* * *

Звонок Владислава застал Светлану врасплох, несмотря на то что она ждала его все последние дни. Он сказал, что его пока выпустили под залог, но приехать к ней он не сможет и было бы лучше, если бы она сама приехала с сынишкой в Нью-Йорк, скажем, сегодня вечером. Светлана ответила торопливым согласием, но, положив трубку, поняла, что совсем не готова к встрече: ей нужно было изменить при-

ческу, укоротить волосы, возможно, даже перекрасить их в другой цвет. Вот тогда она предстанет перед мужем совсем в ином свете. Светлана решила не затягивать с приготовлениями и сейчас же поехать в парикмахерскую. Уже собравшись, она вдруг вспомнила о том, что в этот день пообещала встретиться с Джованни. Ладно, это будет их последняя встреча! Она уделит ему всего лишь несколько минут. Этого будет вполне достаточно, чтобы объясниться.

До назначенного времени осталось совсем немного времени. Светлана посадила сына в машину, завела двигатель и выехала из дома. Машина, стремительно набрав скорость, спешила к месту встречи. Светлана хорошо знала эту дорогу – шоссе, прямое, словно стрела, протяженностью шесть-семь километров, а дальше плавный поворот, за которым ее будет ждать темно-синий «Мерседес» Джованни. Неожиданно Светлана почувствовала волнение, но никак не могла разобраться в причине своего беспокойства. Она напоминала курсистку, впервые пришедшую на свидание. У поворота она сбавила скорость и вдруг осознала, что очень хочет понравиться Джованни. Пускай сегодня будет их последняя встреча, но итальянец должен запомнить ее молодой, свежей и непременно красивой. Светлана подъехала к условленному месту, где ее должен был поджидать Джованни, но его почему-то не было. Это обстоятельство выглядело странным. Насколько она успела узнать Джованни, свидание с девушками для него было такой же обязательной составляющей жизни,

как фотоэтюды на природе. Света почувствовала себя уязвленной. Она уже собралась уезжать, как вдруг к ней подошел плотный представительный мужчина и сказал:

– Вы миссис Игнатова?

– Да, а в чем, собственно, дело?

– Дело в том, что я большой приятель вашего мужа. Вам грозит опасность, и он просил позаботиться о вас. Пойдемте со мной, – незнакомец протянул к женщине руку.

Светлана внимательно всмотрелась в мужчину. В его внешности чувствовался отточенный аристократизм: движения размеренные и плавные, словно у дирижера при дирижировании вальсом. Однако что-то в его облике было настояжиающим. Может быть, слащавое выражение лица, которое способно было убаюкать даже орущее дитя?

Светлана уже почувствовала, что поддалась этому гипнозу, – еще минута такого сладкоголосого разговора, и она замерет, как серая маленькая пичуга, зачарованная пением самоуверенного самца.

Неожиданно из-за поворота на большой скорости появилась машина Джованни. Остановившись, он рывком распахнул дверцу и быстрыми шагами направился в сторону Светланы и незнакомого человека. Джованни что-то кричал и размахивал руками, но разобрать было невозможно – слишком далеко! Внезапно, словно черти из табакерки, к нему подскочило четверо мужчин и, взяв крепко под руки, насильно втолкнули в подъехавшую следом машину.

Светлана онемела от ужаса и растерянно посмотрела на стоявшего рядом мужчину. Теперь он не выглядел добряком. Она видела его широкий нос, который сейчас казался ей просто безобразным, словно приклеенным на широкое скуластое лицо. Неожиданно он ухватился одной рукой за дверцу, а другой крепко вцепился в Светлану и с силой тряхнул. Теперь он уже не выглядел добряком-дирижером – перед ней был жестокий мафиози, готовый за лишний доллар вытряхнуть душу.

– Дернешься, сучка, пришибу!

Светлану охватила паника. Она с диким ужасом взидала на крепкие руки мафиози. Они были необыкновенно мускулистыми и толстыми, словно обрубки стволов, и если бы он пожелал, то сумел бы одним движением вырвать дверцу вместе с креплениями. Света видела крупные веснушки на тыльной стороне его ладоней и никак не могла оторвать боязливого взгляда от этих рыжеватых пятен.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.